

Э. Сетон-Томпсон

ЧИНК И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Издательство
«Детская литература»

Школьная Библиотека

Э. СЕТОН-
ТОМПСОН

Чинк
и другие рассказы

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Рисунки
Г. НИКОЛЬСКОГО

Москва · «Детская литература» · 1977

И (КАНАД)

СЗЗ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

В книгу вошли пять рассказов о животных известного канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона (1860—1946). Сетон-Томпсон был выдающимся учёным-естествоиспытателем. В Канаде он занимал должность «государственного натуралиста», за научные труды по зоологии был удостоен высшей американской награды — медали «Элиот». За свою долгую жизнь писатель издал много книг о жизни животных, завоевавших популярность во всем мире. Большинство произведений Сетона-Томпсона переведены на русский язык, они одинаково любимы и детьми и взрослыми.

Перевод с английского
НИКОЛАЯ ЧУКОВСКОГО

АРНО

I

Через боковую дверь мы вошли в конюшню. Слабый запах чисто содержащихся денников терялся в нежном аромате сена. Поднявшись по лестнице, мы очутились на длинном чердаке. Южный конец его был отгорожен, и знакомое «ку-у-у, ку-у-у, рук-эт-э-ку», смешанное с «уирр, уирр» крыльев, дало нам знать, что мы находимся на голубятне.

В этой голубятне жили знаменитые птицы, и на

этот самый день было назначено состязание между пятьюдесятью молодыми голубями. Владелец голубятни пригласил меня быть судьёй в этом состязании.

Оно, по своей сути, было испытанием молодых птиц. Раза два уже их относили вместе с родителями в поле и выпускали на свободу, чтобы они научились возвращаться в голубятню. Теперь им предстоял первый самостоятельный полёт без старших. Выпустить их решено было в городке Элизабёт — для молодых голубей такое расстояние было довольно большим.

— Дело в том, — объяснял тренер, — что мы так избавляемся от дурачков. Возвращаются только самые лучшие, а они-то нам и нужны.

Владельцы голубей и многие соседи-любители держали пари на разных птиц. Они установили между собой приз для победителя. Мне, как судье, предстояло определить, который из голубей окажется победителем. Выигравшим должен был считаться не тот, кто вернётся первым, но тот, кто первым войдёт в голубятню, потому что голубь, возвращающийся только в окрестности своего жилья, но не являющийся немедленно домой, плохой письмоносец.

Голубь, всегда и отовсюду возвращающийся домой, зовётся возвратным голубем. Эти голуби не отличаются особой окраской и лишены причудливых украшений, годных для птичьих выставок. Их разводят не напоказ, а потому, что они быстрокрылы и умны. От них требуется привязанность к родным местам и способность без промаха отыскивать их. Теперь считается, что чувство направления помещается в ушном лабиринте. Нет на свете существа, обладающего более тонким чувством направления, чем хороший возвратный голубь. Такого голубя всегда можно узнать по большим выпуклостям над ушами и по мощным крыльям.

И вот предстояло подвергнуть испытанию способности голубиной молодёжи.

Несмотря на множество свидетелей, я счёл более

надёжным запереть все дверцы голубятни, за исключением одной, и стать наготове, чтобы тотчас захлопнуть её, как только первый голубь влетит в голубятню.

Никогда не забуду, что я пережил в этот день. Меня предупредили, что голубей выпустят в двенадцать часов. В половине первого им следует быть здесь, но надо держать ухо востро — они прилетают, как вихрь. Едва успеешь их заметить, как они уже влетят в голубятню.

Мы выстроились у стенки внутри голубятни, и каждый припал глазом к щели или неплотно закрытой дверце, жадно всматриваясь в юго-западный горизонт, как вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, вот они!

Белое облако низко пронеслось над городскими крышами, обогнуло фабричную трубу, и не прошло двух секунд, как голуби уже были на месте. Появление белого облачка, шелест крыльев — всё это было так внезапно, так быстро, что как я ни готовился, а был застигнут врасплох. Моё место было у единственной открытой дверцы. Синяя стрелка просвистела мимо меня, задев мне лицо крыльями, и я едва успел спустить дверцу, как поднялся вопль:

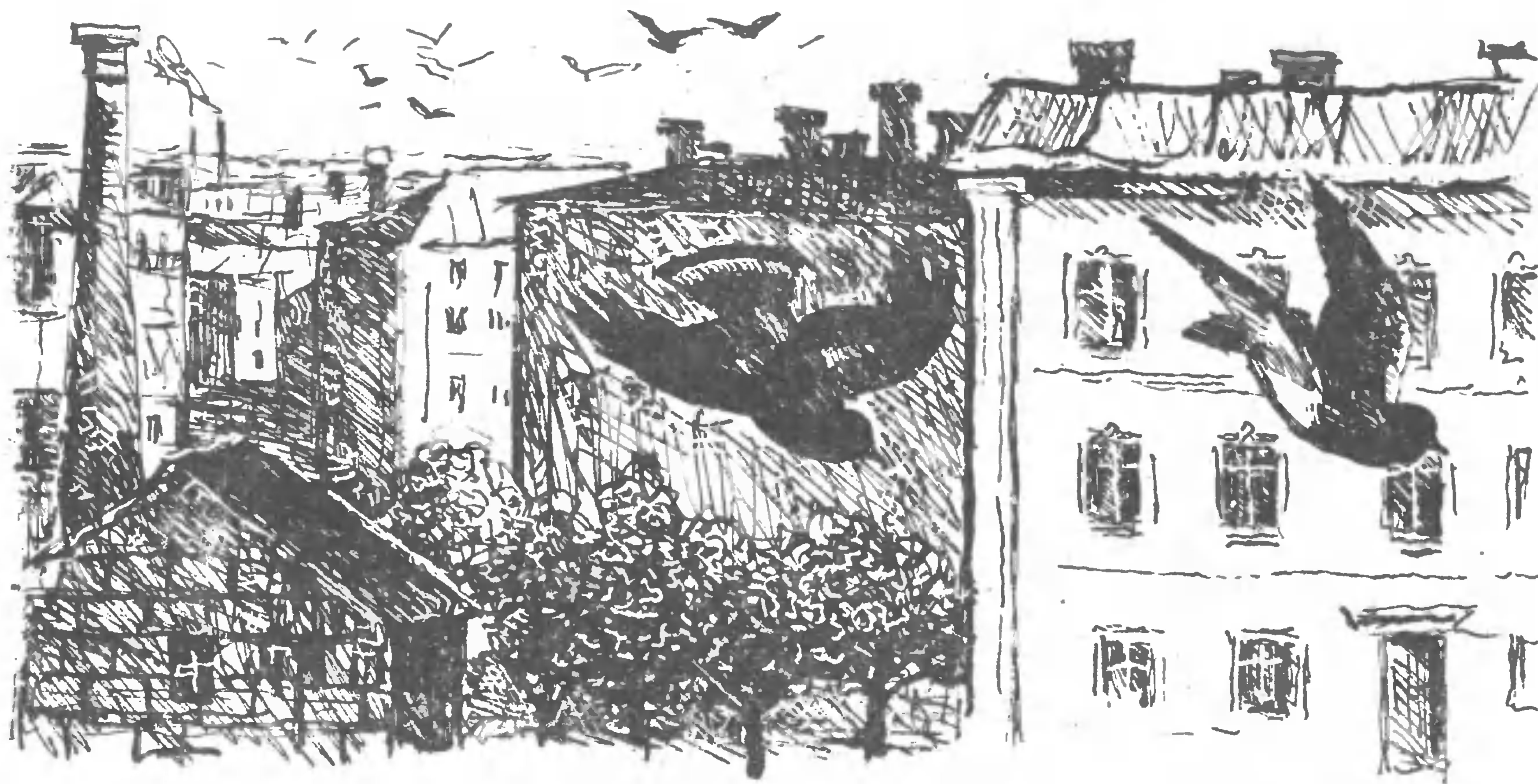
— Арно, Арно! Говорил я вам, что он победит! Ох ты прелесть моя! Всего три месяца — и уже приз! Радость ты моя!

И владелец Арно прыгал, больше радуясь успеху птицы, нежели деньгам.

Все присели на корточки вокруг голубя, созерцая с благоговением победителя, который сперва напился, а потом повернулся к кормушке.

— Смотрите на эти глаза, на эти крылья! А видали вы когда-нибудь такую грудь? О, да он молодец, хоть куда! — болтал его владелец, обращаясь к безмолвным хозяевам-неудачникам.

Это был первый подвиг Арно. Он оказался лучшим из пятидесяти отличных голубей, и ему предстояла блестящая карьера.

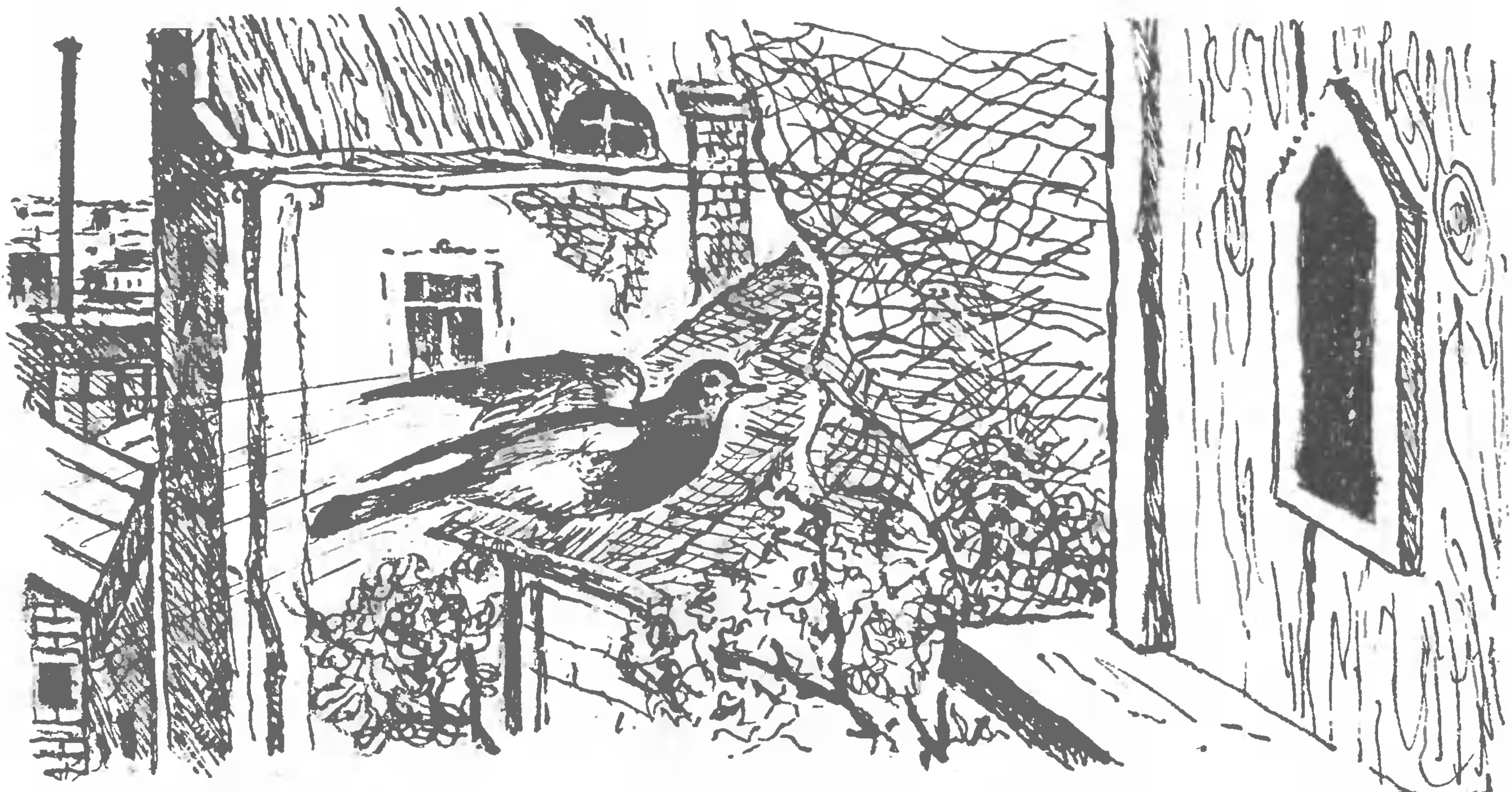

Он получил серебряное кольцо, которым награждают лучших голубей. На кольце красовался его номер: 2590 С — номер, о котором и поныне любители говорят с благоговением.

Всего в голубятню возвратилось сорок голубей. Так бывает почти всегда. Некоторые ослабели и отстали, другие сбились с пути по глупости. Этим простым способом отбора владельцы голубей добиваются усовершенствования породы. Из десяти пятеро пропали без вести, другие пятеро вернулись позднее в тот же день, и не поодиночке, а вместе. Последним из них явился большой, неповоротливый сизый голубь. Работник голубятни заметил его и сказал:

— Вот он, тот безмозглый Сизый, на которого ставил Джек. Не думал я, что он вернётся. Слишком уж у него большой зоб.

Большой Сизый, прозванный также Угловым, потому что он родился в угловом гнезде, отличался с самых первых дней замечательной силой. Несмотря на то что все голуби были приблизительно одного возраста, он скоро перерос своих ровесников и был красивее всех. Но знатоки мало ценят красоту го-

лубей. Он, видимо, гордился своим превосходством и смолоду любил обижать слабых. Его хозяин предсказывал ему великую будущность, но конюх Билли не доверял его длинной шее, большому zobу, неповоротливости и излишнему весу.

— Разве птица может хорошо летать с таким пузырьём на шее? Да и длинные ноги только весу прибавляют, — пренебрежительно ворчал Билли, подметая по утрам голубятню.

II

После первого полёта тренировка голубей проводилась систематически. Расстояние с каждым днём увеличивалось на двадцать пять — тридцать миль, и направление менялось до тех пор, пока голуби не ознакомились со всеми окрестностями Нью-Йорка на полтораста миль вокруг. Из пятидесяти птиц осталось всего двадцать, потому что суровый отбор затрагивает не только слабых и неспособных, но ещё и тех, кто случайно заболел, или попал в беду, или слишком сытно поел перед гонками.

На голубятне было много красивых птиц, широкогрудых, ясноглазых и длиннокрылых, созданных для того, чтобы служить человеку в минуту серьёзной нужды. Окраска их была преимущественно белая, сизая или коричневая. У них не было определённой масти, но у каждого из оставшихся избранных были блестящие глаза и выпуклости над ушами высшей возвратной породы. И лучшим из всех, почти всегда первым в полёте, был маленький Арно. Сидя дома, он мало отличался от других, потому что теперь уже все голуби щеголяли серебряными кольцами. Но в воздухе он тотчас давал себя знать. Как только открывали корзинку, Арно первый взлетал, поднимался на необходимую высоту, угадывал путь к дому и безошибочно мчался, не останавливаясь ни для еды, ни для питья, ни для развлечения.

Несмотря на мрачные предсказания Билли, Большой Сизый из углового гнезда оказался одним из двадцати избранных. Он частенько запаздывал в пути и никогда не возвращался первым. А иной раз, возвратившись на несколько часов позднее остальных, не выказывал ни голода, ни жажды — явный признак, что он отдыхал и кормился в пути. Но всякий раз он возвращался, и на лапке его, как и у всех остальных, имелось серебряное кольцо с номером. Билли презирал Сизого, но хозяин его говорил:

— Дайте срок. Кто скоро созревает, тот скоро и увядает. Я всегда подмечал, что лучшая птица позднее всех даёт себя знать.

Ещё не прошло и года, как маленький Арно побил славный рекорд. Труднее всего летать над морем, где нет возможности узнать дорогу по каким-нибудь приметам. А ещё того хуже, если приходится лететь в тумане, когда даже солнца не видно. Но когда память, слух и зрение бессильны, у голубя всё же остаётся врождённое чувство направления. Только страх может уничтожить это чувство. Вот почему

необходимо, чтобы между мощными крыльями помещалось мужественное сердечко.

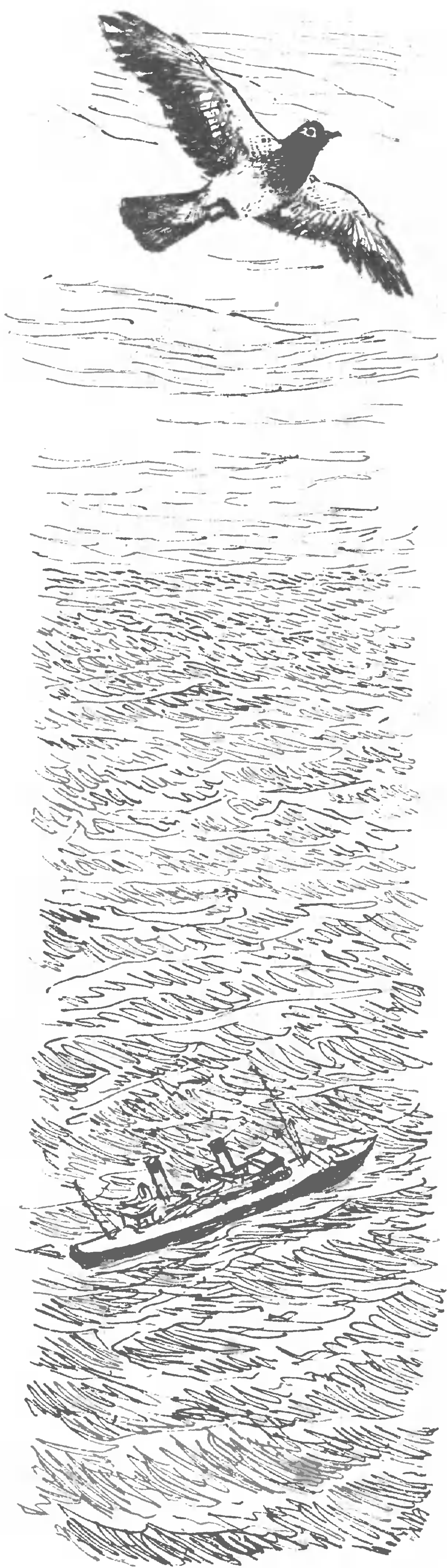
Арно с двумя из своих товарищей был сдан на океанский пароход, шедший в Европу. Их намеревались выпустить при выходе в открытое море, но внезапный густой туман спутал все планы. Пароход увёз их с собой дальше. Голубей собирались отправить обратно с первым встречным судном. После десяти часов пути судовая машина испортилась, туман сгустился, и пароход оказался беспомощной игрушкой ветра и волн. Единственное, что можно было делать, — это гудком подавать сигнал тревоги. Но и это не помогло. Тогда-то вспомнили о голубях. Выбор пал на Стáрбека, 2592 С. Написали записку на непромокаемой бумаге, свернули в трубочку и привязали снизу к перьям хвоста. Старбек взвился в воздух и исчез. Полчаса спустя снарядили Большого Сизого из углового гнезда, 2600 С. Этот также поднялся в воздух, но почти сейчас же вернулся и опустился на снасти. Он съёжился от страха. Никак нельзя было заставить его покинуть судно. Он до такой степени был испуган, что дал беспрепятственно себя изловить и постыдно всунуть в клетку.

Достали теперь третьего — маленького плотного голубка. Моряки не имели о нём представления, но отметили имя и номер на его кольце: Арно, 2590 С. Для них эта надпись ничего не означала. Однако державший его моряк заметил, что его сердце колотится не так сильно, как у предыдущего гонца. Его снабдили запиской, снятой с Большого Сизого. Вот эта записка:

10 часов утра, вторник.

Машина испортилась в 210 милях от Нью-Йорка. Беспомощно дрейфуем в тумане. Пришлите буксирное судно как можно скорее. Через каждые шестьдесят секунд даём один длинный гудок, за ним один короткий.

Капитан

Письмо было свёрнуто в трубочку, обернуто непромокаемой бумагой, адресовано Пароходному обществу и прикреплено к нижней стороне перьев хвоста.

Голубь, едва его отпустили, описал круг над судном, затем другой, повыше, снова выше, пока не скрылся из виду. Он поднимался всё выше и выше до тех пор, пока сам не перестал видеть судно. Лишённый возможности пользоваться всеми своими чувствами, кроме одного чувства направления, он всецело предался ему. И страх не затуманивал его. Как стрелка компаса всегда устремляется к северу, так устремился к своей цели Арно — без колебаний, без сомнений. Спустя минуту после освобождения из клетки он уже нёсся прямо, как луч света, к взрастившей его голубятне, единственному месту, где ему было хорошо.

В этот день на голубятне дежурил Билли. Вдруг послышался шелест быстрых крыльев; в голубятню скользнул синий луч и бросился к корытцу с водой. Голубь тянул уже

один глоток за другим, когда Билли вдруг спохватился:

— Да это ты, Арно, красавец мой!

Затем привычным движением голубиного тренера он достал часы и отметил время: 2 часа 40 минут. В то же мгновение он заметил нитку на хвосте.

Билли притворил дверцу и быстро опустил сетку на голову Арно. Через минуту он держал в руке записку, а две минуты спустя торопился уже к конторе общества, предвкушая щедрую награду.

Здесь он узнал, что Арно проделал двести десять миль над морем, в тумане, за четыре часа сорок минут, и не прошло часа, как на выручку злополучного парохода было отряжено спасательное судно.

Двести десять миль над морем, в тумане, за четыре часа сорок минут! Славный это был рекорд! Его занесли, как и подобало, в списки Голубиного клуба. Арно держали на руках, а секретарь, вооружившись резиновой перчаткой и несмываемыми чернилами, отметил на одном из белоснежных

перьев крыла подвиг и день, когда этот подвиг был совершён.

Старбек, второй голубь, так и не вернулся. Без сомнения, он погиб в море.

Сизого из углового гнезда привезло буксирное судно.

III

Это был первый подвиг Арно, а вскоре последовали и другие, так что на голубятне разыгралось немало сцен, главным действующим лицом которых был Арно.

Однажды к конюшне подкатила карета; из неё вышел седоволосый господин, вскарабкался по пыльной лестнице на голубятню и всё утро просидел вместе с Билли, поглядывая сквозь золотые очки то на кучу бумаг, то поверх городских крыш, высматривая и дожидаясь — чего? Вести из местечка, отстоящего всего на сорок миль, — вести, огромной для него важности, вести, которая должна была спасти или погубить его, вести, которую ему необходимо было получить скорее, нежели её мог доставить телеграф, так как телеграмма задержится по меньшей мере на час в каждом направлении. Что могло прийти быстрее телеграммы на расстоянии сорока миль? В те времена было лишь одно средство — первоклассный почтовый голубь.

Деньги не в счёт, если победа останется за ним. Старик банкир просил послать лучшего голубя, сколько бы это ни стоило. И вестником был избран Арно, с его неизгладимыми рекордами на крыльях.

Прошёл час, другой и начинался третий, когда синий метеор ворвался, свистя крыльями, в голубятню. Билли захлопнул дверцу и поймал голубя. Живёхонько он сорвал нитку и подал записку банкиру. Старик смертельно побледнел, с трудом развернул её, и лицо его оживилось.

— Благодарение богу! — пролепетал он.

Затем счастливый банкир поспешил на заседание правления, зная, что победа останется за ним. Маленький Арно спас его от гибели. Банкир хотел приобрести голубя, чувствуя, что ему подобает беречь и холить своего спасителя. Но Билли ответил ему:

— Что в этом толку? Вам не купить сердца возвратного голубя. Вы можете превратить его в пленника — вот и всё. Но ничто на свете не заставит его забыть голубятню, в которой он родился.

Итак, Арно остался в 211-м номере на Западной Девятнадцатой улице. Но банкир не забыл его.

В нашей стране есть немало негодяев, считающих летящего голубя законной добычей, убивающих его потому лишь, что их трудно уличить. Не один благородный гонец, летевший с вестью о жизни или смерти, был убит злодеем и превращён в начинку для пирога.

Брат Арно, Арно́льф, уже отмеченный тремя славными рекордами, был убит, когда нёс спешный вызов врачу. Он упал к ногам стрелка, и великолепные его крылья развернулись, обнаружив список побед. На ножке виднелось серебряное кольцо, и охотник почувствовал угрызения совести. Он отправил доктору письмо и возвратил убитую птицу Голубиному клубу с уведомлением, что «нашёл её». Владелец явился к нему в дом, охотник растерялся и вынужден был сознаться, что застрелил вестника сам, но якобы потому, что его больной сосед мечтал о пироге с голубятиной. Гнев владельца голубя мешался со слезами:

— Моя птичка, мой красавец Арно́льф! Двадцать раз он приносил важные известия, побил три рекорда, дважды спас человеческую жизнь, и вы убиваете его на пирог! Я мог бы преследовать вас по закону, но мне претит такая жалкая месть. Прошу вас только об одном: если ещё когда-нибудь у вас будет больной сосед, желающий пирога с голубятиной, приходите — мы даром снабдим вас пригодными на то ублюдками. Но если в вас есть хоть капля

чести, вы никогда, никогда больше не будете убивать и не позволите другим убивать наших благородных и бесценных вестников.

Это произошло в то время, когда банкир часто бывал в голубятне и сердце его горело благодарностью к голубям. Он был человек влиятельный, и одним из следствий подвига Арно явился принятый в Олбани¹ закон, охраняющий голубей.

IV

У Билли никогда не лежало сердце к Сизому из углового гнезда, 2600 С. Несмотря на то что Сизый всё ещё числился в списках Серебряного ордена, Билли продолжал пренебрежительно относиться к нему. Случай с пароходом показал в нём труса. Кроме того, он, без сомнения, был ещё и буяном.

Однажды утром Билли застал на голубятне драку. Два голубя, один большой и один маленький, носились, сцепившись, по полу, поднимая пыль. Когда удалось их разнять, Билли увидел, что маленький — Арно, а большой — Сизый из углового гнезда. Арно стойко сражался, но побеждал Сизый, так как был вдвое тяжелее.

Вскоре выяснилась и причина поединка — прелестная маленькая голубка. Большой Сизый давно уже раздражал Арно своей грубостью, но окончательным толчком к смертному бою послужила маленькая голубка. Билли не имел права свернуть Сизому шею, но сделал всё, что мог; для своего любимца Арно.

Билли запер Арно с маленькой голубкой в отдельном помещении на две недели и для большей верности сделал то же с Большим Сизым, назначив ему в подруги первую подходящую даму.

Всё вышло, как он ожидал. Маленькая голубка

¹ О л б а н и — столица штата Нью-Йорк.

признала своим владыкой Арно, а «подходящая дама» — Большого Сизого. Обзавелись гнёздами, и всё, казалось, вело к тому, чтобы жить-поживать и добра наживать. Но Большой Сизый был очень велик и красив. Он умел выпячивать зоб, и на солнце вокруг его шеи появлялась такая радуга, что перед ним не устояла бы ни одна голубка.

А наш Арно, хотя крепко сложенный, был мал ростом и не особенно красив. Только глазки у него чудно сверкали. Вдобавок он часто покидал голубятню по важным делам, между тем как Большому Сизому только и было дела, что красоваться на голубятне и развёртывать свои лишённые надписей крылья.

Писатели любят искать у животных, и преимущественно у голубей, примеры супружеской любви и верности. И они, в общем, правы, но — увы! — бывают исключения.

Жена Арно была с самого начала очарована Большим Сизым, и в конце концов однажды, когда муж её был послан по делам, ужасное событие совершилось.

Возвратившись из Бостона, Арно увидел, что Большой Сизый, не отказываясь, однако, от своей законной «подходящей дамы» в угловом гнезде, в то же время присвоил себе его жену и гнездо. Последовал отчаянный бой. При нём присутствовали одни только жёны, взиравшие на него с полным равнодушием. Арно бился своими чудесными крыльями, но изворотливость их не увеличивалась от летописи рекордов. Клюв его и ноги были малы, как у всякого хорошего почтового голубя, и отважное сердечко не могло возместить недостаток веса. Бой должен был кончиться не в его пользу. Жена беззаботно сидела на гнезде, как будто была тут ни при чём, и Арно был бы убит, если бы не подоспел вовремя Билли. Он так обозлился, что готов был скрутить Сизому шею, да только буян успел улизнуть из голубятни.

В течение нескольких дней Билли с нежностью ухаживал за Арно. Через неделю тот совсем оправился, а через десять дней был уже в пути. Он, по-видимому, простил неверной жене, так как спокойно продолжал жить в своём гнезде. В этот месяц он установил два новых рекорда: он принёс письмо за десять миль в восемь минут и перелетел из Бостона в Нью-Йорк за четыре часа. Всякий раз его влекла обратно любовь к родине.

Печально было возвращение Арно, так как он снова застал свою жену в приятной беседе с Большим Сизым. Как он ни был утомлён, поединок возобновился и кончился бы смертью Арно, если бы не вмешался Билли. Он разнял бойцов, потом запер Сизого отдельно, решив избавиться от него при первой же возможности.

Между тем приближалось большое соревнование всех возрастов — полёт в девятьсот миль от Чикаго в Нью-Йорк.

Голуби были отправлены в Чикаго по железной дороге. Там их выпустили одного за другим. Чем лучше был голубь, тем позже его выпускали. Последним был выпущен Арно.

Миновав Чикаго, несколько голубей инстинктивно соединились в стаю. Возвратный голубь следует

по прямой линии, когда повинуется общему чувству направления, но когда ему приходится проделывать знакомый уже путь, он обыкновенно придерживается известных признаков, сохранившихся у него в памяти. Большинство птиц тренировались по пути, ведущему через Колумбус и Буффало. Арно знал дорогу через Колумбус, но знал дорогу и через Детройт. Поэтому, миновав озеро Мичиган, он полетел по прямой линии на Детройт. Таким образом, он сразу выиграл несколько миль.

Детройт, Буффало, Рочестер с их знакомыми башнями и трубами один за другим растаяли позади, и приближались уже Сиракузы. День клонился к вечеру. Арно пролетел шестьсот миль в двенадцать часов и был, без всякого сомнения, впереди всех. Но вдруг ему захотелось пить. Пролетая над городскими крышами, он увидел голубятню и, спустившись с высоты двумя-тремя большими кругами, примкнул к своим соплеменникам и жадно напился из корыта. Он не раз уже проделывал это и раньше.

Всякий любитель голубей всегда желает, чтобы вестники пользовались его гостеприимством. Владелец голубятни был тут и заметил незнакомого голубя. Он осторожно стал на такое место, откуда мог следить за ним. Один из его собственных голубей

вздумал было поспорить с пришельцем, и Арно, защищаясь развёрнутым крылом, выставил напоказ ряд напечатанных рекордов. Владелец дёрнул верёвку дверцы, и через несколько мгновений Арно очутился у него в плену.

Похититель развернул испещрённые надписями крылья, прочёл один рекорд за другим и, взглянув на серебряное кольцо — ему бы следовало быть золотым, — прочёл имя голубя и воскликнул:

— Арно! Арно! О, я слышал о тебе, приятель, и очень рад, что получил тебя!

Он срезал записку и прочёл:

Арно оставил Чикаго сегодня в 4 часа утра.
Он участвует в большом перелёте всех возрастов
по маршруту Чикаго — Нью-Йорк.

Арно, 2590 С.

— Шестьсот миль за двенадцать часов! Ты побил все рекорды!

И голубиный вор нежно, почти благоговейно посадил бьющуюся птицу в клетку.

— Ну, — добавил он, — тебя, я знаю, не убедишь остаться, но я могу получить от тебя наследников и развести твою породу.

Итак, Арно был заперт в удобном помещении вместе с несколькими другими узниками. Хозяин голубятни, хотя и вор, был искренний любитель голубей. Он не отказывал своему пленнику ни в чём.

Так прошло три долгих месяца. Сперва Арно только и делал, что шагал по целым дням вдоль клетки, заглядывая вверх и вниз, где бы улизнуть, но на четвёртый месяц он, видимо, отказался от побега, и внимательный тюремщик приступил к выполнению второй части программы. Он ввёл к Арно застенчивую молодую голубку. Однако толку вышло мало: Арно не стал даже смотреть на неё. Немного погодя тюремщик удалил голубку, и Арно был на целый месяц оставлен в одиночном заключении. Затем при-

вели новую голубку, но и с этой дело не пошло на лад, и так продолжалось целый год. Арно либо яростно колотил красавиц, либо выказывал к ним презрительное равнодушие, а временами старое желание вернуться домой снова возникало в нём с удвоенной силой, и он бился о проволочную стенку или в волнении метался взад и вперёд. Когда началась ежегодная линька голубя, тюремщик бережно стал подбирать на память каждое выпадавшее из крыльев драгоценное перо, и, по мере того как вырастали новые, он аккуратно повторял на них историю славных подвигов Арно.

Медленно протянулось два года. Тюремщик переселил Арно в новую голубятню и дал ему новую самочку. Случайно в ней оказалось большое сходство с оставленной дома изменницей, и Арно обратил на неё внимание. Однажды тюремщику показалось, что его знаменитый пленник слегка ухаживает за красавицей, и — да, сомнения нет! — вот она готовит уже себе гнездо. Заключив из этого, что они окончательно столковались, тюремщик впервые открыл дверцу, и Арно очутился на свободе. Замешкался ли он? Растерялся ли? Ничуть не бывало. Как только перед ним открылось воздушное пространство, он рванулся на волю, развернул свои удивительные расписные крылья и бросился прочь от ненавистой тюрьмы — всё дальше и дальше.

V

Ни один человек никогда не любил так свой дом, как Арно любил свою голубятню.

Домой, домой, к милому дому! Все испытания и горести, которые он пережил в родной голубятне, были позабыты. Ни годы тюрьмы, ни поздняя любовь, ни страх смерти не могли подавить любви к родине, и если бы Арно владел даром песни, он, несомненно, запел бы героическую песнь. Он летел

ввысь восходящими кругами, повинуюсь единственному стремлению, способному подчинить эти славные крылья, — выше, выше, влекомый любовью к родине, верный единственному своему дому и изменнице-подруге. Закрыв, как говорят, глаза, закрыв, как утверждают, уши, закрыв, как все мы думаем, разум, он нёсся по лазури, всецело отдаваясь своему тайному руководителю — чувству направления.

Арно летел с быстротой стрелы на юго-восток. Сиракузский грабитель простился с Арно навсегда.

Внизу, в долине, дымил курьерский поезд. Он был далеко впереди, но Арно нагнал и опередил его, как дикая утка на лету обгоняет плывущего выхухоля. Высоко над долинами, низко над горами Ченáго, где сосны шепчутся с ветрами, он летел всё дальше и дальше.

Из гнезда на дубу безмолвно выплыл ястреб, подсмотревший голубя и наметивший его себе в жертву. Арно не свернул ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз, не потерял ни одного взмаха крыльев. Ястреб дожидался. Но Арно пронёсся мимо, как олень в полном расцвете сил минует засаду медведя. Домой, домой!

Мах, мах, мах! — мелькали сверкающие крылья по знакомому теперь пути. Через час он увидит знакомые холмы. Вот он уже пролетает над ними. Быстро бегущие навстречу родные места вливали в него новую силу. Домой, домой! — без слов пело его сердце. Как умирающий от жажды путник глядит на едва заметные вдали верхушки пальм, так его блестящие глаза с надеждой всматривались в отдалённый дым Манхáттана¹.

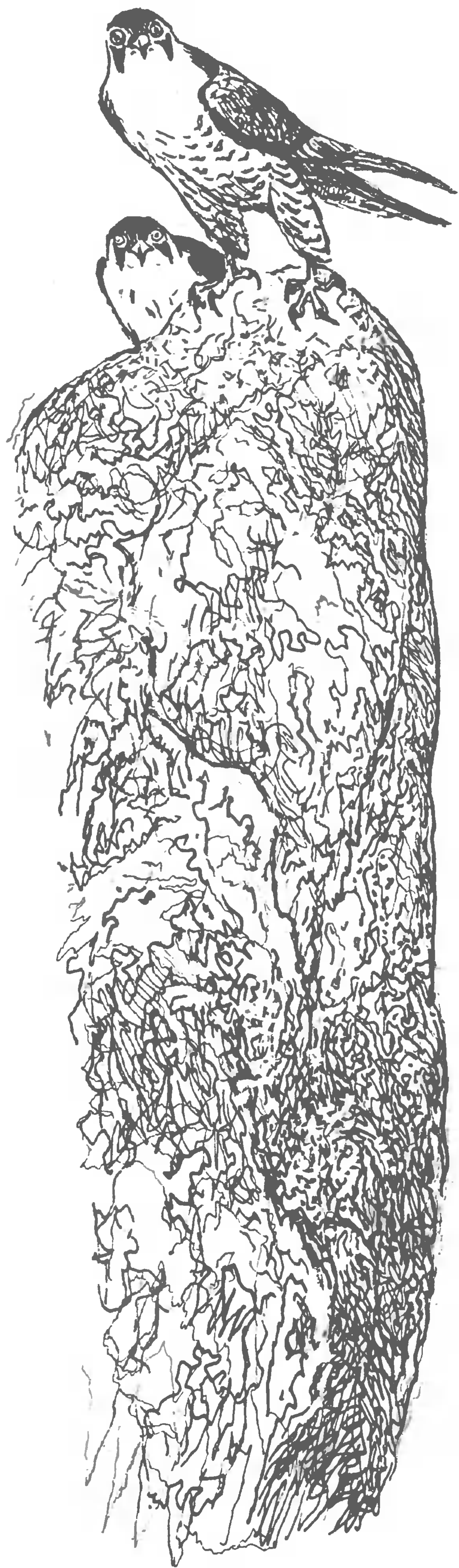
С гребня гор сорвался сокол-голубятник. Быстрейший из хищников, гордый своей силой, гордый своими крыльями, он радовался достойной добыче. Немало голубей попало в его гнездо, и он плыл те-

¹ М а н х á т т а н — остров, на котором стоит город Нью-Йорк.

перь по ветру, паря, сберегая силы, выжидая удобного мгновения. О, как точно он выбрал это мгновение! Вниз, вниз ринулся он, мелькнув как стрела. Ни дикая утка, ни ястреб не могли бы увернуться от него, потому что это был сокол.

Лети обратно, голубь! О голубь, спасайся, обогни опасные холмы!

Свернул ли голубь с пути? Нет, так как это был Арно. Домой, домой, домой! Ни о чём другом он не думал. Спасаясь от сокола, он только летел быстрее. Сокол ринулся — ринулся на это сверкающее пятнышко — и возвратился ни с чем. Арно между тем прорезал воздух долины, как камень, пущенный из пращи: сперва белокрылая птица, затем пятно с трепещущим сиянием — и вскоре ничтожная точка. Дальше, вдоль милой долины Гудзона, знакомой ему большой дороги... Прошло уже два года с тех пор, как он увидел её. Теперь он несётся ниже. С севера поднялся ветерок и рябит под ним реку. Домой, домой, домой!.. Уже встают перед

ним городские башни, домой, домой! Нужно держаться низко, так как поднялся ветер.

Низко. Увы, он летел слишком низко! Какой злой дух соблазнил охотника в июне притаиться на вершине этого холма? Что за бес указал ему белое мелькающее пятнышко, выплывающее из лазури навстречу северу? О Арно, Арно, несущийся так низко, не забывай о стрелке! Слишком, слишком низко ты проносишься над этим холмом. Слишком низко.

Вспышка, треск! — и смертоносный град настиг Арно; настиг, изувечил, но не сбил с пути. Мелькающие крылья уронили сломанные расписные перья, медленно опустившиеся на землю. «Ноль» от его морского рекорда исчез. Теперь уже он показывал не 210, а 21 милю. О постыдный грабёж! На груди расплылось тёмное пятно, но Арно не сдавался. Домой, домой! Опасность осталась позади. Домой, всё домой, так же прямо, как и прежде.

Но чудесная скорость теперь уменьшилась: в минуту уже не выходило мили, и ветер поднимал непривычный шум в испорченных крыльях. Пятно на груди гласило о надломленной силе, но Арно всё летел вперёд. Дом, дом виднелся уже вдали, и боль в груди была позабыта. Высокие башни города ясно вырисовывались перед его дальнотзорными глазами, в то время как он скользил близ утёсов Джёрси. Вперёд, вперёд! Крыло может ослабеть и глаз померкнуть, но любовь к родине всё растёт и растёт.

Он пролетел вдоль высоких холмов, укрываясь от ветра, над сверкающей водой, над деревьями и под гнездом соколов-голубятников, разбойничьей твердыней на скале, где сидели большие угрюмые хищники. Зорко присматриваясь, похожие на пиратов в чёрных масках, они подметили приближение голубя. Арно знал их издавна. Много недоставленных посланий нашло приют в этом гнезде, много расписных перьев, трепеща, опустилось с него на землю. Но Арно уже не раз тягался с ними и продолжал те-

перь свой путь, как бывало, — вперёд, вперёд, быстро, но всё же не так быстро, как прежде. Смертоносное ружьё подорвало его силы, убавило его скорость. Вперёд, вперёд! Соколы, выждав время, слетели, как две стрелы. Они ловили ослабевшего, усталого голубка.

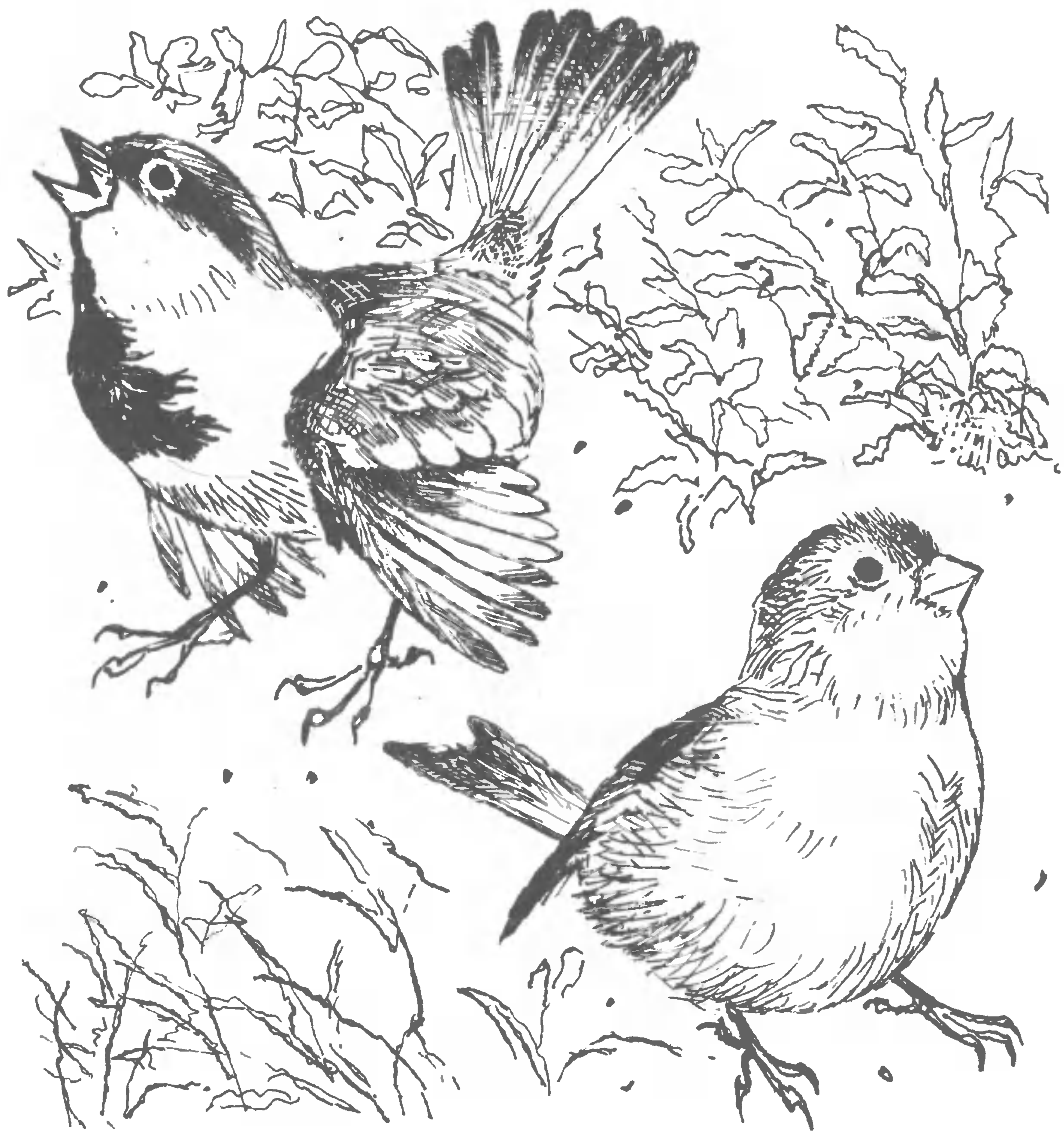
К чему описывать погоню? К чему изображать отчаяние отважного сердечка? Он уже видел свой дом... В одну минуту всё было окончено. Голубятники испустили хриплый крик торжества и взвились на свою скалу, держа в когтях голубиное тельце — всё, что осталось от бесстрашного маленького Арно.

Там, на скале, клювы и когти пиратов окрасились кровью героя. Несравненные крылья были изорваны в клочья, и летопись их размётана по камням. Там они лежали на солнце, пока сами убийцы не были убиты и твердыня их не опустошена.

И судьба бесподобной птицы так и осталась бы неизвестной, если бы в хламе и соре пиратского гнезда случайно не обнаружили серебряное кольцо — священный орден первоклассного почтового голубя, на котором красовалась многозначительная надпись:

Арно, 2590 С.

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ

I

Какая оживлённая маленькая толпа! Сколько волнения и трескотни!

Несколько воробьёв, порхающих с места на место и прыгающих друг около друга посреди водосточного жёлоба. В центре этой толпы, когда она немного рассеивается, можно видеть причину всей сумятицы: маленькую воробиху, отчаянно, с негодованием

защищающуюся от своих назойливых поклонников. Воробьи, по-видимому, ухаживают за ней, но их манеры так грубы, что с первого взгляда это ухаживание можно принять за расправу. Они треплют и щиплют её самым жестоким образом, не причиняя ей, впрочем, как можно заметить, никакого серьёзного вреда. Она же сама бьёт их без пощады. Кажется даже, что она убила бы всех своих мучителей без всякого сожаления, если б только могла.

Совершенно ясно, что она ни к кому из них не чувствует симпатии. И вот, постаравшись убедить их в этом, насколько возможно, при помощи своего клюва, она пользуется лёгким замешательством среди соперников и улетает на ближайшую крышу. При этом на одном из её крыльев становятся видны белые пёрышки, отличающие её от других и делающие её особенно привлекательной.

II

Воробей-самец, щеголяющий великолепным чёрным галстуком и белым воротничком, был очень занят. Он усердно устраивал себе гнездо в птичьем домике, поставленном детьми в саду. Он был во многих отношениях выдающейся птицей. Строительными материалами служили ему веточки и прутики, которые можно было набрать только на площади, а по утрам он иногда приостанавливал работу, чтобы на манер канарейки спеть песенку, громкую и звонкую.

Совсем не в обычае у воробьёв строить себе гнёзда в одиночестве. Но мы недаром назвали этого воробья выдающейся птицей. После недели работы он, видимо, окончил постройку гнезда, так как птичий домик был уже наполнен до самой дверцы веточками, сорванными с деревьев на площади. У него теперь оставалось больше свободного времени для музыкальных упражнений, и всё чаще и чаще, на

удивление всем, раздавалась его песенка, совсем не похожая на воробьиное чириканье. И наш воробей вошёл бы, может быть, в историю как одна из необъяснимых загадок природы, если бы некий любитель птиц, парикмахер с Шестой авеню, не рассказал нам о первых днях его жизни.

Этот человек, оказывается, положил воробьиное яйцо в свитое из ивовых прутьев гнездо своих канареек. Вылупившегося из этого яйца птенца добросовестно воспитывали его приёмные родители. Пение было их специальностью. Птенец обладал крепким телосложением и отличными лёгкими. Канарейки воспитали его на славу. Из него вышел певец, восполнявший энергией недостаток природного таланта. Сильный, драчливый, этот не лишённый музыкальности забияка стал в скором времени хозяином клетки. Он, не колеблясь, принуждал к молчанию канарейку, которую не мог превзойти в совершенстве мелодии, и после каждой из таких побед его песни бывали столь необычно хороши, что парикмахер достал чучело канарейки и подсовывал его в клетку каждый раз, когда хотел позабавить своих гостей торжествующей победной песней Рэнди — так звали воробья. Рэнди заставлял молчать всякую канарейку, с которой его сажали в одну клетку. А сидя в отдельной клетке, он ни от чего не приходил в такую ярость, как от близости какого-нибудь певца-соперника, которого он не мог заставить молчать. В таких случаях он совершенно забывал свою музыку и начинал злобно чирикать по-воробьиному.

К тому времени, когда у него появился чёрный нагрудник, Рэнди стал едва ли не главной достопримечательностью парикмахерской. Но вот однажды полка, на которой стояли клетки, рухнула, все клетки свалились на пол, и среди всеобщего разрушения многие из птиц очутились на свободе. Среди них был и Рэнди. Канарейки добровольно вернулись в свои клетки или позволили себя поймать. Но Рэнди вы-

порхнул в окно, почирикал немного, вызываяще запел в ответ на свисток паровоза городской железной дороги и, не позволив себя поймать, приступил к исследованию окрестностей. Он не был рождён для того, чтобы жить пленником, и быстро освоился со своим новым положением свободной птицы. Через неделю он был уже так же дик, как любой представитель его рода, и превратился в маленького уличного буяна, не отличающегося от других воробьёв, вечно дерущихся между собой на улице. Он, отплачивая ударом за удар, иногда поражал слушателей неожиданной музыкальной гаммой, которую заимствовал от канареек, но пел с истинно воробьиным задором.

III

Вот это-то и был Рэнди, воробей, который избрал птичий домик для своего гнезда. Теперь ясно, почему он так усердно собирал прутьи. Единственное гнездо, которое он видел в жизни, было пле-

тёной корзиночкой. Поэтому и своё собственное гнездо он намеревался построить из прутьков.

Через несколько дней Рэнди появился с подругой. Я мог бы забыть сцену в водосточном жёлобе, если бы не узнал теперь в подруге Рэнди маленькой Бйдди, той самой белокрылой дамы, которая была причиной потасовки.

Рэнди ей, видимо, нравился, но она ещё продолжала пыжиться и клевать его, как только он приближался. А он всё расхаживал вокруг неё с опущенными крыльями и хвостом, щебеча что-то, как делал бы всякий другой воробей-самец на его месте, и останавливаясь лишь для того, чтобы запеть.

Наконец ему удалось преодолеть её сопротивление, быть может именно благодаря своему удивительному музыкальному таланту, и он уже провожал её к своему гнезду, летя впереди и показывая дорогу. Она последовала за ним в домик, но тотчас выскочила обратно, а Рэнди за нею, чирикающий и умоляющий. Он долго щебетал, прежде чем ему удалось убедить её вернуться, но она снова выскочила, на этот раз явно рассерженная. Опять он старался её убедить, и наконец она вошла внутрь домика, но опять выскочила, неся в своём клюве веточку, уронила её и улетела прочь. Вышел наружу и Рэнди. Он уже больше не гордился своим домом. Это был большой удар для него. С минуту он безутешно посидел на пороге, щебеча нечто такое, что должно было означать: «О, вернись, вернись!», но его невеста не возвращалась. Потом он опять прыгнул внутрь. Послышалось лёгкое царапанье, он выскочил с большой веточкой в клюве и швырнул её из дверей на землю. Он вернулся за другой, которую также отправил вслед за первой, и так далее, пока не вытащил и не побросал на землю все веточки, которые раньше так заботливо и трудолюбиво собирал. Эта редкостная веточка с развилиной, которую стоило столько труда доставить с площади, и эти два ровных прутка вроде тех, из которых было сделано

гнездо его приёмной матери, — всё, всё пускай пропадает!

Он трудился около часа молчаливо и в одиночестве. Наконец работа была окончена, и внизу на земле лежала целая куча веток, точно маленький костёр.

Рэнди свирепо посмотрел на результаты уничтожения своего недельного труда, оглянулся на пустой домик, издал короткое грубоватое чириканье — вероятно, какое-нибудь бранное слово на воробьином языке — и улетел прочь.

На следующий день он вновь появился с беглянкой, кружась около неё и возбуждённо чирикаая. Он снова подвёл её к своему домику. Бидди прыгнула внутрь, потом выскочила и посмотрела сверху на кучу веток, лежащую на земле. Затем снова вошла и появилась опять на пороге с крошечной веточкой, видимо забытой Рэнди, бросила её и с удовольствием следила, как она падала вниз, на кучу. После долгой беготни внутрь домика и обратно оба улетели вместе и вскоре вернулись: Бидди — с пучком сена в клюве, а Рэнди — с соломинкой. Всё это было внесено внутрь домика и, вероятно, прилажено на место по всем правилам строительного искусства. Потом они опять отправились за сеном, после чего Бидди осталась в домике устраиваться, пока Рэнди приносил сено, пучок за пучком, и только изредка, когда он слишком медлил, она сама отправлялась за ношей.

Наконец-то мне представился удобный случай испытать их вкусы. Я разложил на балконе, вблизи от птичьего домика, тридцать коротких тесёмок и лент. Пятнадцать из них были серенькие, восемь — пёстрые и семь ярких шёлковых ленточек. Каждый светлый лоскуток чередовался с тёмным. Бидди первая заметила эту выставку. Она слетела вниз, осмотрела её со всех сторон левым глазом, правым глазом, потом решила, что не стоит ничего трогать. Но тут подоспел Рэнди; ему, как бывшей комнатной птице, всё это было знакомо. Он попрыгал в одну сторону,

затем в другую, тронул один лоскуток, отскочил назад, снова приблизился, поклевал там и сям и наконец схватил свою добычу и улетел с нею. Затем опять прилетела Бидди, и на этот раз оба унесли по лоскутку. Предпочтение оказывалось только тёмным лоскуткам, но когда они кончились, Бидди подобрала несколько более светлых лент. А самые яркие так и остались нетронутыми.

Гнездо было уже наполовину готово, и Рэнди ещё раз попробовал встроить в него прутик. Но через мгновение прутик был сброшен вниз, на кучу, а Бидди победоносно глядела ему вслед. Бедный Рэнди! Никакого снисхождения к его слабости. Все чудесные прутики были выброшены! У его матери было гнездо, сплетённое из прутиков, — великолепное гнездо! Однако он вынужден был покориться. Теперь в домике ничего не осталось, кроме соломинок и сена, — ни одной палочки, а только мягкие материалы. И он подчинился этому: свобода ежедневно давала ему уроки подчинения. Раньше он думал, что весь мир исчерпывается парикмахерской, а он, Рэнди, — самый важный из живущих в этом мире существ. Но теперь оба эти представления рушились. Бидди находила, что его воспитание имело весьма существенные пробелы в практическом отношении, и ей на каждом шагу приходилось заново его учить.

Когда гнездо было на две трети закончено, Бидди, большая любительница роскоши, стала таскать в него большие мягкие перья. Но теперь Рэнди нашёл, что это заходит слишком далеко и нужно поставить какой-нибудь предел.

Ему не понравилась постель из перьев, которых не было в его первой колыбели, и он занялся выбрасыванием неприятных ему постельных принадлежностей. Бидди подросла как раз вовремя с новой ношей, чтобы увидеть принесённые ею раньше перья вылетающими из домика вниз, на кучу веток. Она бросилась за ними, схватила их ещё в воздухе и вернулась навстречу своему господину, показавшемуся из дверей с новым пучком злополучных перьев. И так они остановились, смотря друг на друга и громко чирикавая, оба с клювами, полными перьев, и с сердцами, полными взаимной обиды.

Сначала разыгралась бурная сцена, во время которой перья то вносили в домик, то выбрасывали прочь, и они летели по саду, гонимые ветром. Потом наступило затишье, а на следующий день все перья были водворены обратно в гнездо. Каким образом они пришли к соглашению, навсегда останется тайной. Во всяком случае, большую часть работы выполнил сам Рэнди и не успокоился, пока домик не был набит самыми большими и мягкими из перьев.

Супруги обыкновенно держались вместе, но как-

то раз Бидди улетела и долго не возвращалась. Рэнди посмотрел вокруг, почирикал, взглянул вверх, потом вниз и увидел опять кучу прутиков, на соби-
рание которых он столько затратил труда. Чудесные
прутики, совсем как в той колыбельке, где он родил-
ся! Рэнди слетел вниз. Замечательная веточка с
развилиной всё ещё лежала на месте, и соблазн
был непреодолим. Рэнди схватил её и поспешил с
ней к гнезду, потом залез внутрь. С этой веточкой
всегда было трудно обращаться, она зацеплялась
развилиной за дверь. Но ему так часто приходилось
последнее время протаскивать её внутрь, что он уже
знал, как лучше поступить. Провозившись с ней
внутри с полминуты, он опять выпорхнул наружу,
гордо посмотрел вокруг, почистил себе перья, встрях-
нулся, затем пропел свою канареечную песню не-
сколько раз с начала до конца и с самым счастливым
видом взял несколько новых нот.

Когда Бидди прилетела с перьями, он преду-
смотрительно помог водворить их на место. Гнездо
было готово.

Двумя днями позже я поднялся к гнезду и обна-
ружил там яйцо. Воробьи видели, как я влезал, но
не носились с криком над моей головой, как поступа-
ет большинство птиц, а, отлетев на почтительное
расстояние, тревожно следили за мной из-за дымо-
вой трубы.

На третий день внутри домика началось какое-то
движение, слышались звуки борьбы, чириканье, и
два-три раза птичий хвост показывался из дверей,
как будто обладатель его пятился, таща что-то. На-
конец обладатель хвоста вылез наружу настолько,
что в нём уже можно было узнать Бидди. И снова её
втянули внутрь. Очевидно, происходила какая-то
семейная ссора. Всё это было совершенно необъяс-
нимо, пока Бидди наконец не выбралась наружу и
не вытащила любимую ветку Рэнди, которую она
тотчас с презрением швырнула вниз. Она нашла её
в своей постели, куда он её запрятал.

Вот из-за чего они ссорились! Но мне не понятно было, как она могла всё-таки её вытащить при его сопротивлении. Я подозреваю, что ему пришлось уступить, чтобы не нарушить семейный мир.

В пылу сражения вместе с веткой было нечаянно вытолкнуто и яйцо. Оно лежало теперь внизу — фарфоровые черепки на мокром жёлтом фоне. Воробьи, казалось, не были обеспокоены его участью. Выпав из гнезда, оно ушло из их мира.

IV

После этого наша парочка вела мирную жизнь в течение ряда дней. Одно яйцо за другим откладывалось в гнездо. Через неделю яиц уже было пять, и оба супруга, казалось, были вполне счастливы. Рэнди распевал, на удивление всей округи, а Бидди приносила всё больше и больше перьев, словно готовилась к зимовке. Мне пришло в голову произвести маленький опыт. Улучив благоприятную минуту, поздно вечером, я положил мраморное яйцо в их роскошное гнездо. Что произошло вслед за тем, я не знаю.

На следующее утро я пошёл погулять. Было воскресенье, и на улице стояла тишина, только кучка людей глазела на что-то у водосточного жёлоба. Подойдя ближе, я услышал чириканье и, заглянув в середину круга, увидел двух воробьёв, сцепившихся в жестокой схватке, громко чирикавших и беспрестанно колотивших и клевавших друг друга. Некоторое время они кружились и дрались, не обращая никакого внимания на зрителей. Но когда они наконец приостановились, чтобы перевести дух, и в изнеможении присели на свои хвосты, я был совершенно поражён, узнав Бидди и Рэнди. После новой схватки они были спугнуты одним из зрителей, который, видимо, не одобрял ссоры в воскресный день. Тогда они взлетели на ближайшую крышу, чтобы

продолжать драку без помехи. В тот же день я нашёл на земле под гнездом не только моё мраморное яйцо, но и остатки пяти их собственных яиц, которые были выброшены заодно с ним. И я предполагаю, что всё произошло именно из-за этого странного, твёрдого и круглого яйца.

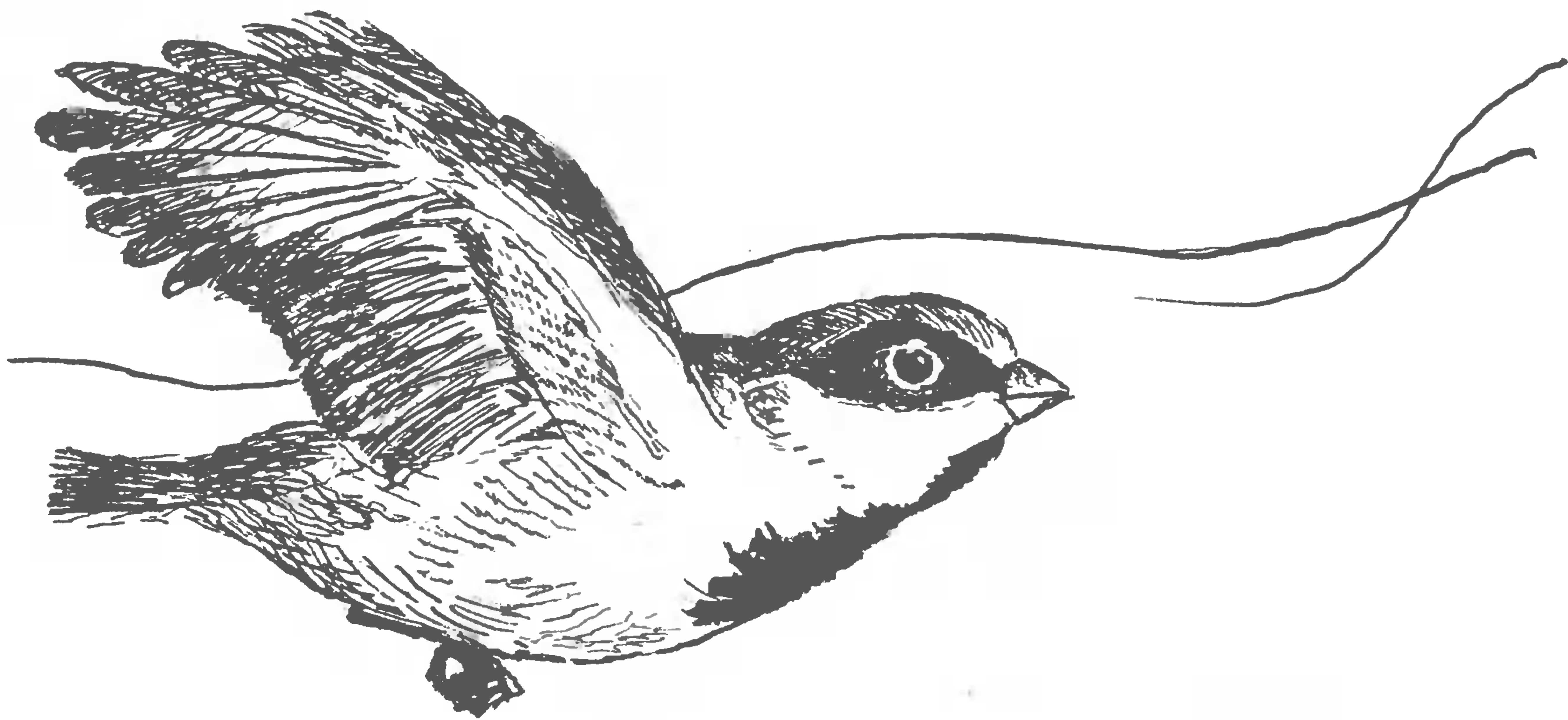
В этом птичьем домике, очевидно, не могло быть ни счастья, ни мира, поэтому они оставили его вместе со всем содержимым, в том числе и с перьями. Бидди, затеи которой отличались оригинальностью, выбрала на этот раз место для гнезда на колпаке фонаря посреди площади. Целую неделю они трудились и, несмотря на сильный ветер, закончили свою постройку. Трудно было представить себе, как птицы ухитрялись спать ночью при таком ярком свете под самым их носом. Тем не менее Бидди казалась довольной, а Рэнди уже научился не высказывать своего мнения. Всё было бы хорошо, если бы ещё раньше, чем было снесено первое яйцо, фонарь не потух. Фонащик, исправляя фонарь, безжалостно отправил всю постройку Бидди и Рэнди в мусорный ящик.

Для малиновки или ласточки это был бы непоправимый удар, но энергии и самоуверенности воробья нет предела. Очевидно, гнездо было неудачным или, быть может, ошибка заключалась в выборе материалов. Во всяком случае, лучше устраиваться по-новому.

Похитив несколько соломинок из гнезда отлучившегося соседа, Бидди положила их на высокую ветку вяза в саду на площади, указав этим Рэнди новое место, избранное ею. И Рэнди, познав на опыте, что гораздо спокойнее подчиниться её решениям, дважды пропел канареечную песню и стал копать в мусорных кучах, выбирая строительный материал и с неохотой обходя хорошенькие прутьки, попадавшиеся ему на пути.

На другой стороне площади было гнездо, в котором жила пара воробьёв с очень скверной репутацией. В особенности самец-воробей не пользовался любовью других. То был рослый и очень красивый воробей с огромным чёрным галстуком, отчаянный забияка. Этот воинственный воробей благодаря своей силе взял себе подругу по своему выбору и захватил лучшее место для гнезда, да вдобавок ещё и все самые восхитительные материалы с площади. Мои воробьи отказались от роскошных лент, которые я им предлагал, но и у них, конечно, были свои художественные вкусы. Несколько перьев из крыльев гвинейской курочки, попавшие сюда случайно из зоопарка, переходили путём воровства из гнезда в гнездо, пока наконец не остались в великолепном доме, которым Буян и его жена украсили одну из мраморных колонн нового банка.

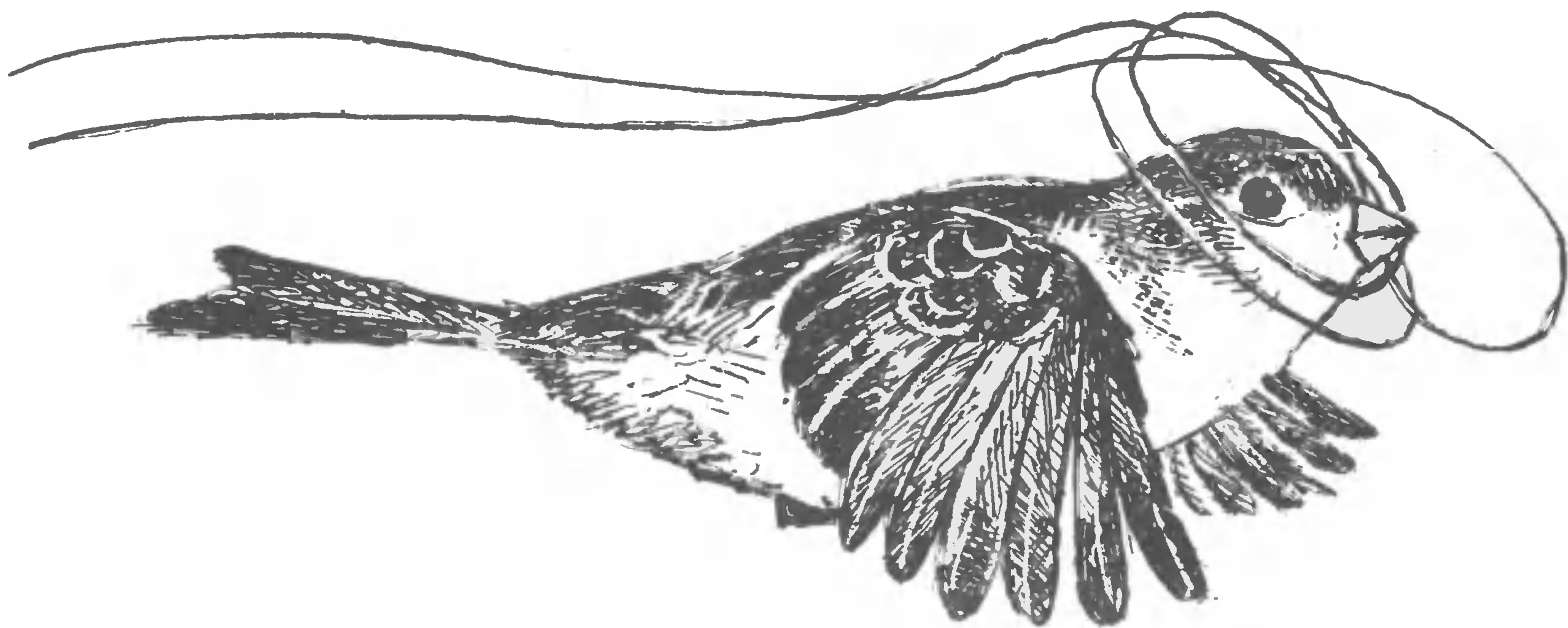
Буян делал всё, что хотел, в пределах площади и однажды, услышав песню Рэнди, налетел на него. Рэнди был страшилищем для канареек, но справиться с Буяном не мог. Он дрался на славу, но был побит и искал спасения в бегстве. На крыльях победы Буян полетел прямо к новому гнезду Рэнди и после пренебрежительного осмотра принялся вытаскивать лоскутки, которые могли ему пригодиться дома. Рэнди был побеждён, но подобный грабёж снова возродил доблесть в нашем певце, и он теперь уже сам набросился на Буяна. В пылу схватки оба упали с веток на землю. Другие воробьи присоединились к драке, и — стыдно сказать! — они дрались на стороне рослого Буяна против того, кого считали чужаком. Рэнди приходилось совсем плохо, и от него уже летели перья, как вдруг в самую середину круга сражавшихся шлёпнулась маленькая воробьишка с белыми пёрышками на крыльях. «Чирик, чирик, бей, колоти!» Бидди тут как тут. О, она хорошо за себя постояла! Воробьи, которые сначала присоединились к драке ради забавы, сразу удрали: тут уже было не

до шутки, бой был самый настоящий, и картина резко изменилась. Буян быстро потерял весь свой задор и полетел обратно, в свою сторону, с Бидди, вцепившейся в его хвост подобно маленькому бульдогу. И так она продолжала висеть на нём, пока не вырвала одно перо, которое потом с торжеством использовала для своего гнезда вместе с похищенными материалами.

Через два дня после этого события перья гвинейской курочки, которые так долго были главной достопримечательностью гнезда Буяна, составляли уже часть обстановки нового жилища Бидди, и никто не решался оспаривать её права.

Весна подходила к концу, перья стали редки, и Бидди не могла их найти для своей постели. Но она нашла нечто их заменяющее, чем лишний раз доказала свою любовь ко всему новому. На площади была извозчичья стоянка. Вокруг лошадей на мостовой постоянно валялся конский волос, который мог служить хорошей подстилкой. Это была превосходная мысль, и наша неунывающая парочка с отменным усердием принялась за собирание конских волос, по два и по три сразу. Возможно, что гнездо другой породы воробьёв в одном из парков внушило им эту мысль. Эта порода — чйппи — всегда пользуется конским волосом для подстилки и устраивает внутри гнезда настоящий пружинный матрац из свёрнутых

волос. Дело хорошее, но надо уметь за него взяться. Всё было бы хорошо, если бы наши воробьи предварительно научились, как обращаться с волосом. Когда чиппи собирает волосы, он никогда не берёт больше одного сразу и при этом осторожно поднимает его за конец, зная, что волос, кажущийся таким безобидным, бывает и опасным. Наши воробьи привыкли иметь дело только с соломинками. Бидди схватывала волос у середины, и, находя его слишком длинным, перебирала клювом на несколько дюймов дальше. В большинстве случаев от этого получалась большая петля из волоса над её головой или под клювом. Но это было очень удобно при полёте и первое время не приносило ей вреда, хотя любой чиппи, наверно, содрогнулся бы при виде этой грозной петли.

Наступил последний день устройства их жилища. Бидди каким-то образом дала понять Рэнди, что больше ничего не нужно приносить. С оживлением и гордостью она заканчивала уборку и прилаживала на место последний волос, в то время как Рэнди распевал свои лучшие песенки, усевшись на голове статуи адмирала Фаррагута. Вдруг громкое, тревожное чириканье поразило его слух. Он посмотрел по направлению к дому и увидел, что Бидди барахтается в гнезде без всякой видимой причины и безуспешно старается вырваться из него. Её голова

попала в одну из опасных волосяных петель, сделанных ею самой, петля затянулась, и она оказалась пойманной. Чем больше она барахталась, стараясь высвободиться, тем туже затягивалась петля.

Рэнди понял теперь, как глубока была его привязанность к своенравной маленькой подруге. Он пришёл в страшное волнение и с громким чириканьем полетел на помощь. Пытаясь её освободить, он стал тянуть её за лапку, но это только ухудшило дело. Все их усилия были напрасны и лишь прибавляли новые узлы и петли. Остальные волосы, лежавшие в гнезде, казалось, присоединились к заговору: они спутывались и переплетались, затягивая ещё больше несчастную жертву. И вскоре дети, собравшиеся в сквере, с удивлением разглядывали висевший наверху комочек перьев, растрёпанный и неподвижный, — всё, что осталось от шумливой, предприимчивой Бидди.

Бедный Рэнди был в глубоком горе. Соседи-воробьи собрались на тревогу и присоединились к его крику, но тоже не могли помочь. Теперь они опять разлетелись по своим домам, а Рэнди продолжал прыгать вокруг или тихо сидеть на месте с опущенными крыльями. Долго ещё он не мог примириться с мыслью, что его подруга мертва, и весь день старался чем-нибудь её заинтересовать и вовлечь в их обычную жизнь. Ночь он провёл в одиночестве на дереве, а чуть забрезжило утро, он уже опять носился, чирикавая и распевая, вокруг гнезда, с края которого на злополучном конском волосе висела его Бидди, молчаливая и окоченевшая.

VI

Рэнди всегда был менее осторожен, чем остальные воробьи. Домашние канарейки не приучили его к осторожности. Он не боялся ни детей, ни экипажей. Теперь это его свойство ещё усилилось, потому что он был угнетён и опечален. В тот же самый день, ра-

зыскивая себе пищу, он не успел вовремя отскочить от посыльного-велосипедиста и попал хвостом под колесо велосипеда. При попытке вырваться хотя бы ценою потери хвоста его правое крыло очутилось под задним колесом. Посыльный промчался дальше, а Рэнди со сломанным крылом кое-как допрыгал до окаймляющих сквер деревьев. Тут его поймала маленькая девочка. Она взяла его домой, посадила в клетку и с самой неуместной, по мнению её братьев, нежностью принялась за ним ухаживать. Выздоровливая, он в один прекрасный день привёл всех в изумление своими канареечными трелями.

Об этом узнал один газетный репортёр. В газете появилась о Рэнди заметка. Заметка эта попала парикмахеру. Парикмахер явился с несколькими свидетелями, восстановил свои права на диковинную птицу и получил Рэнди обратно.

Итак, Рэнди снова в клетке, его тщательно берегут и откармливают, он снова — первое лицо в этом маленьком мире. Он вовсе не чувствует себя несчастным. Он всё-таки никогда не был настоящей дикой птицей. На свободе он очутился совершенно случайно. Случай свёл его с Бидди. Их короткая совместная жизнь была полна тревог и случайностей. Случайность погубила её, и другая случайность вернула его в клетку. Жизнь в клетке, спокойная и бедная событиями, дала ему теперь возможность развивать свои музыкальные способности. Здесь, бок о бок со своими старыми учителями и воспитателями, он живёт, словно в консерватории.

Иногда, предоставленный самому себе, он начинает развлекаться постройкой гнезда из прутиков, но с виноватым видом оставляет этот угол, едва кто-нибудь подходит к клетке. Если ему подбросить несколько перьев, он сначала прилаживает их к гнезду, но на следующее утро они неизменно оказываются выброшенными на пол.

Эти упорные попытки навели на мысль, что он нуждается в подруге, и на выбор ему подсаживали

в клетку несколько воробьих, но результат получался неблагоприятный. Всякий раз требовалось быстрое вмешательство, чтобы предотвратить кровопролитие и спасти невесту. Наконец эти опыты прекратились, так как было очевидно, что певец предпочитает оставаться холостяком. В его песнях звучал скорее воинственный, чем любовный, пыл, и вскоре парикмахер сделал открытие, что Рэнди поёт особенно звонко после победы не над чучелом канарейки, а над чучелом самца-воробья. Колотя чучело, Рэнди поёт вдохновенно и громко, в особенности если немой противник имеет памятный ему большой чёрный галстук на шее.

ЧИНК

I

Чинк был уже таким большим щенком, что считал себя замечательной взрослой собакой — и правда он был замечательным, но совсем не таким, каким воображал. Он не был ни свиреп, ни даже внушительен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, но зато был одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги

своего хозяина. Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Гáрнет, в Йеллоустóнском парке. Это очень тихий уголок, далеко в стороне от путей, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл разбил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединённых человеческих обиталищ, если бы не мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял всё, что ему велели, кроме одного: сидеть спокойно. Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки, а когда брался за что-нибудь обыкновенное и лёгкое, неизменно портил всё дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провёл целое утро в напрасных попытках вскарабкаться на высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать суслика.

Суслики во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапки на груди, благодаря чему издали их можно принять за колышки. Вечером, когда нам надо было привязать лошадей, мы нередко направлялись к какому-нибудь суслику, и ошибка выяснялась только после того, как суслик исчезал в норе с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать суслика. Как это за ним водилось, он сразу же натворил много разных глупостей. Ещё за четверть мили до суслика он припадал к земле и полз на брюхе от кочки до кочки не меньше ста шагов. Но скоро его возбуждение достигало такой степени, что он, не стерпев, вскакивал на ноги, шёл напрямик к суслику, который уже сидел возле норы, отлично понимая, что происходит. Через минуту Чинк бросался бежать, и именно тогда, когда

ему следовало красться, он забывал всякую осторожность и с лаем бросался на врага. Суслик сидел неподвижно до самого последнего момента, затем, внезапно пискнув, нырял в нору, бросив задними лапками целую горсть песку прямо в открытую пасть Чинка.

День за днём проходил в таких бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьётся. Так оно и случилось.

В один прекрасный день он долго и тщательно подкрадывался к очень большому суслику, проделал все свои нелепые штуки, завершив их яростной атакой, и действительно схватил свою жертву — только на этот раз оказалось, что он охотился за деревянным колышком. Собака отлично понимает, что значит очутиться в дураках. Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день смущённо прятался позади палатки, подальше от посторонних глаз.

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделён не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло лишить его бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждый пасущийся телёнок подвергались его преследованию, а если ему на глаза попадалась кошка с соседнего сторожевого поста, он считал своим священным долгом перед солдатами, перед ней и перед самим собой гнать её домой как можно скорее. Он готов был по двадцать раз на день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осиное гнездо, командуя ему: «Принеси!»

Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Но мало-помалу Чинк понял, что у фургонов есть длинные кнуты и большие злые собаки, что у лошадей на ногах есть зубы, что у телят есть мате-

ри, чьи головы снабжены крепкими дубинками, что кошка может оказаться скунсом, а осы — вовсе не бабочки. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил всё, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нём стало развиваться зерно — пока ещё маленькое, но живое зёрнышко собачьего здравого смысла.

II

Все нелепые промахи Чинка были словно воссоединены в нечто единое, и его характер обрёл целостность и силу после промаха, увенчавшего их все, — после его стычки с большим койотом. Этот койот жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, прекрасно понимал, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять, охотиться и ставить ловушки или как-нибудь иначе вредить животным. К тому же он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона.

Убеждённый в своей безнаказанности, койот каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках отбросов. Сначала я находил только его следы, показывавшие, что он несколько раз обходил лагерь, но не

решался подойти ближе. Потом он начал распевать свою заунывную песню тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. И, наконец, я начал находить его чёткие следы около мусорного ведра, куда каждое утро выходил посмотреть, какие животные побывали там в течение ночи. Осмелев ещё больше, он стал иногда подходить к лагерю даже днём, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью; наконец он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря и то пробирался к палаткам; чтобы украсть что-нибудь съедобное, то восседал на виду у всех на соседнем пригорке.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пятидесяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: «Чинк, ты видишь этого койота, который смеётся над тобой? Пойди прогони его!»

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за койотом, который пустился наутёк.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили, но оно и в сравнение не шло с тем, которое началось, когда койот повернул и бросился на своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и во всю прыть пустился

к лагерю. Но койот бегал быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря. Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с койотом, и Чинк так и не дождался сочувствия. Ещё одного такого опыта, только в меньших размерах, оказалось вполне достаточно для Чинка: с тех пор он решил оставить койота в покое.

Но зато сам койот нашёл себе приятное развлечение. Теперь он каждый день слонялся около лагеря, великолепно зная, что никто не осмелится в него стрелять. К тому же замки всех наших ружей были опечатаны правительственным агентом, а кругом всюду была охрана.

Койот следил за Чинком и выискивал возможность его помучить. Щенок знал теперь, что стоит ему отойти на сто шагов от лагеря, койот окажется тут как тут и начнёт кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина.

Это продолжалось изо дня в день, и, наконец, жизнь Чинка превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный койот следовал за нами по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему всё удовольствие прогулки.

Билл Обри перенёс свою палатку на милю от нас выше по течению реки, и койот почти перестал посещать наш лагерь, так как переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хулиган, не встречающий противодействия, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался.

Свой переезд Обри объяснил необходимостью

отыскать лучшее пастбище для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: «Чинк, охраняй палатку!», ускакал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьей глупости Чинк был сторожевым псом, и его хозяин знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Во второй половине этого дня один проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл!

Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его ошетинулась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чём дело, и отправился своей дорогой.

Настал вечер, хозяин всё ещё не возвращался, а Чинка начал мучить сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного копчёной грудинки. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый голодом, он осмелился наконец покинуть свой пост и стал бродить невдалеке от палатки в надежде поймать мышь или найти что-нибудь съедобное. Но тут на него внезапно напал его мучитель койот и заставил бежать обратно к палатке.

Но там в Чинке произошла перемена. Он помнил о своём долге, и это придало ему силы, подобно тому как крик котёнка превращает робкую кошку-мать

в яростную тигрицу. Он был ещё только щенком, глуповатым и нелепым, но в нём жил твёрдый характер, который должен был развиваться с годами. Когда койот попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина, — Чинк забыл свои страхи и набросился на врага, грозный, словно маленький демон.

Всякий зверь знает, когда он прав, а когда неправ. Моральное преимущество было на стороне испуганного щенка, и койот попятился, злобно рыча и обещая разорвать щенка на куски, но всё-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Койот возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скрёб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумёртвый от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Всё это время Чинк ничего не ел. Раза два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу. Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поест грудинки, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучшить минуту и, оставив свой пост, сбегать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, беда превратила его в настоящего сторожевого пса, и он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало, был готов, если нужно, умереть на своём посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре мучительных дня и четыре ночи провёл этот маленький героический пёс, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от койота, которого смертельно боялся.

На пятый день утром старый Обри протрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспробудного пьянства и поэтому сразу оседлал

коня и направился в обратный путь. На полдороге в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

«Уж наверное от грудинки ничего не осталось», — подумал он и погнал лошадь быстрее. Он доехал до гребня горы и увидел палатку, а у входа, ошестинившись и рыча друг на друга, стояли большой злобный койот и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! — воскликнул Обри смущённо. — Я же совсем забыл про этого проклятого койота. Бедняге Чинку пришлось туго, и как это койот ещё не разорвал его на куски, да и палатку в придачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он всё ещё принимал самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда всё стало ясно, а когда он подскакал к палатке и увидел нетронутый мешок с грудинкой, то понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: «Я сделал то, что ты мне велел, хозяин». Старик Обри не выдержал: в его глазах стояли слёзы, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

— Чинк, старый друг, я тебя подвёл, а ты меня никогда не подводил, и уж если я отправлюсь погулять, то обязательно возьму тебя с собой. Не знаю, чем тебя порадовать, друг, раз ты не пьёшь водки. Вот разве я избавлю тебя от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость — дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал казённую печать и вышел за дверь.

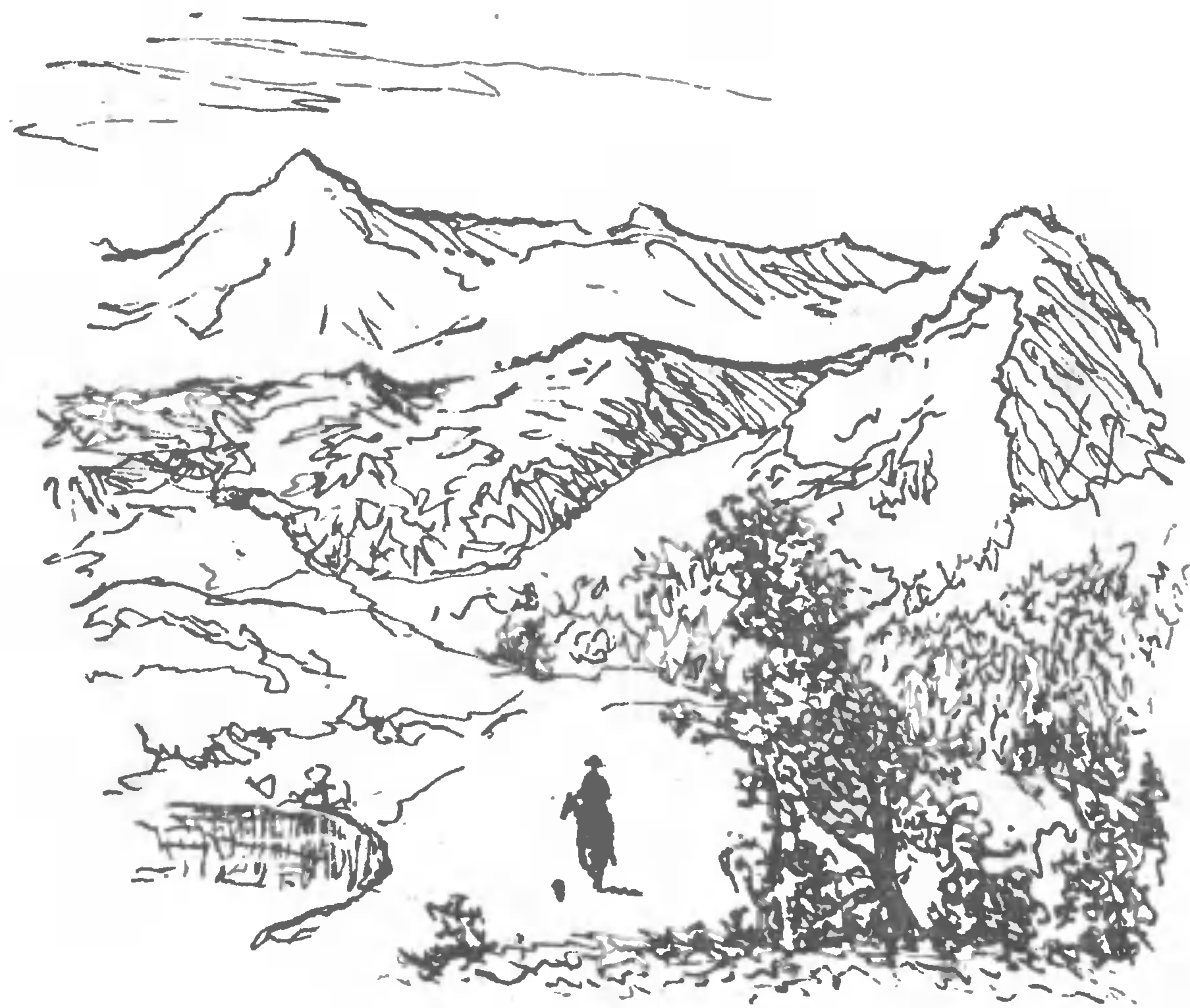
Койот, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля

зубы в ехидной усмешке. Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из его диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишён права вернуться под угрозой тюремного заключения.

Но Билл Обри ни о чём не жалел.

— Ладно! — сказал он. — Должен же я был помочь моему товарищу, который никогда меня не подводил.

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

I

Джонни был забавный маленький медвежонок, живший со своей матерью в Йеллоустонском парке. Мать его звали Злюка. Вместе с другими медведями они жили в лесу возле гостиницы.

По распоряжению управляющего гостиницей все отбросы из кухни сносили на открытую поляну в окрестном лесу, где медведи могли пировать ежедневно в течение всего лета.

С тех пор как Йеллоустонский парк был объявлен заповедником для диких животных, где они пользовались полной неприкосновенностью, количество медведей там из года в год возрастало. Мирные дары человека не остались в пренебрежении, и многие из медведей были настолько хорошо знакомы прислуге гостиницы, что даже получили прозвища, соответствующие их внешнему виду и поведению. Один очень длинноногий и худой чёрный медведь назывался Тощим Джимом. Другой чёрный медведь звался Фыркалка; он был так чёрен, будто его закоптили. Толстяк был очень жирный, ленивый медведь, который всегда норовил лечь, когда ел. Два лохматых подростка, которые всегда приходили и уходили вместе, назывались Близнецами. Но наибольшей известностью пользовались Злюка и маленький Джонни.

Злюка была самой большой и свирепой из чёрных медведей, а Джонни, её единственный сын, был надоедлив и несносен, так как никогда не переставал ворчать и скулить. Вероятно, это объяснялось какой-нибудь болезнью, потому что ни один здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя, не станет беспричинно ныть всё время. Да и правда, Джонни был похож на больного. У него, по-видимому, постоянно болел живот, и это показалось мне вполне естественным, когда я увидел, какую ужасную мешанину пожирал он на свалке. Он пробовал решительно всё, что видел. А мать, вместо того чтобы запретить ему, давала что угодно. У Джонни были только три здоровые лапы, блёклый облезлый мех и несоразмерно большие уши и брюхо. Однако мать обожала его; она была убеждена, что сын её красавец, и, конечно, совсем избаловала его. Злюка была готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а он всегда с удовольствием давал ей повод для беспокойства. Больной и хилый Джонни был далеко не дурак и умел заставлять свою мамашу делать всё, что он захочет.

II

Я познакомился с Джонни летом 1897 года, когда посетил Йеллоустонский парк, чтобы наблюдать животных в естественных условиях. Мне рассказали, что в лесу около Гейзерной гостиницы можно увидеть медведей в любое время. Я не особенно верил этим рассказам, пока сам не столкнулся, выйдя из дверей гостиницы через пять минут после приезда, с большой чёрной медведицей и двумя медвежатами.

Я остановился, испуганный этой встречей. Медведи тоже остановились и, присев на задние лапы, разглядывали меня. Затем медведица издала странный звук, похожий на кашель: «Кофф, кофф!» — и посмотрела на ближайшую сосну. Медвежата, казалось, поняли, что она хотела сказать, так как немедленно побежали к дереву и стали взбираться на него, как две обезьянки. Почувствовав себя в безопасности, они уселись наверху на ветках, точно мальчишки, придерживаясь одной лапой за ствол и болтая в воздухе маленькими чёрными ножками.

Медведица-мать, всё ещё на задних лапах, медленно приближалась ко мне, и я уже начинал чувствовать себя весьма неприятно от близости этого мохнатого чудовища, стоявшего во весь свой саженный рост и, по-видимому, никогда не слыхавшего о волшебной силе человеческого взгляда.

У меня не было с собой даже палки для защиты, и когда медведица тихо заворчала, я стал ужемышлять о бегстве, несмотря на то, что, как меня уверяли, медведи здесь никогда ещё не нападали на человека. Но медведица снова остановилась. Она стояла шагах в тридцати от меня, продолжая молча меня рассматривать, точно в нерешительности. Казалось, она размышляла: «Этот человек, может быть, и не хочет зла моим детёнышам, но рисковать не стоит».

Она взглянула на своих малышей и издала странный жалобный звук, вроде «ер-р-р, ер-р...» — и они

начали спускаться с дерева, как послушные дети, получившие приказание. В их движениях не было ничего неуклюжего, медвежьего. Легко и проворно они прыгивали с ветки на ветку, пока не очутились на земле. И все трое ушли в лес.

Мне очень понравились эти послушные медвежата. Как только мать приказывала им что-нибудь, они беспрекословно ей повиновались. Но я узнал также, что стоило бы им ослушаться, и она безжалостно их отшлёпала бы.

Так мне удалось с первых же шагов довольно удачно заглянуть в семейную жизнь медведей. Ради этого стоило сюда приехать, даже если бы этим дело и ограничилось. Но мои друзья в гостинице сказали мне, что я попал далеко не в лучшее место для наблюдений. Они посоветовали мне пройти за четверть мили, на свалку в лесу, где, по их словам, я могу вдоволь налюбоваться медведями (как будто это было возможно!).

На следующий день рано утром я направился к этой медвежьей столовой, расположенной посреди сосен, и спрятался в ближайших кустах.

Ждать пришлось недолго. Из лесу тихо вышел большой чёрный медведь. Подойдя к свалке, он принялся раскапывать кучу и пожирать отбросы. Он был всё время настороже, приседал на задние лапы и оглядывался при всяком шорохе или отбегал на несколько шагов, как будто в испуге. Наконец, при появлении другого медведя, он поднял уши и бросился наутёк под сосны. Второй медведь вёл себя также боязливо и тотчас убежал, едва я зашевелился в кустах, пытаюсь лучше его разглядеть.

Вначале я и сам волновался — ведь носить оружие в Йеллоустонском парке строго воспрещено. Но робкое поведение медведей меня успокоило. Я с жадностью рассматривал этих больших косматых зверей, заглядывая в их домашнюю жизнь.

Однако вскоре я убедился, что избранный мною наблюдательный пункт недостаточно хорош, так как

он находился шагах в семидесяти пяти от мусорной кучи. А ближе не было ни одного куста, за которым можно было бы укрыться. Тогда я сделал единственное, что мне оставалось: подошёл к самой куче и, выкопав в ней углубление, достаточное для того, чтобы в нём спрятаться, пробыл там целый день, окружённый капустными стеблями, картофельной шелухой, жестянками из-под томатов и гниющими остатками мяса. Это место мне нравилось гораздо меньше, чем мухам. По правде говоря, аромат медвежьей столовой был настолько неприятен, что, когда я вернулся вечером в гостиницу, мне не позволили войти в неё, пока я не переоделся в лесу.

Сидеть в мусорной куче нелегко, но зато я могу сказать, что в этот день действительно видел медведей. Если бы я считал каждого пришедшего на свалку медведя, я мог бы насчитать их больше сорока. Но, конечно, это было бы неправильно, так как медведи уходили и возвращались. Впрочем, я уверен, что их там было не менее тринадцати, потому что именно такое количество я видел одновременно.

Весь тот день я не оставлял альбома и записной книжки, отмечая каждого вновь появившегося медведя, и вскоре научился отличать их одного от другого.

Многие ненаблюдательные люди полагают, что

все животные одной породы одинаковы. Но в действительности они так же отличаются друг от друга, как и люди. Иначе, каким образом взрослые животные узнают друг друга, а детёныши — своих матерей? Каждый из этих пирующих медведей имел свою особенность. Среди них не было двух совершенно одинаковых по облику и по характеру.

Мне удалось сделать ещё одно удивительное открытие: я легко различал стук дятла за сто шагов в лесу, щебет синиц, крик голубой сойки, слышал даже, как белка пробиралась сквозь листву, но я не мог уловить ни малейшего звука при приближении медведей. Их громадные мягкие лапы всегда ступают так осторожно, что ни ветку не ломают, ни листок не шевельнут — так велико их искусство ходить по лесу бесшумно.

III

Всё утро медведи приходили и уходили, не замечая меня. Если не считать одной-двух маленьких ссор, ничего особенного не произошло.

Но около трёх часов пополудни наступило некоторое оживление.

К этому времени на свалке находились четыре больших медведя, занятых обедом. В середине был Толстяк, растянувшийся во всю длину, миролюбивый и счастливый. Иногда он пыхтел и, избавляя себя от лишних движений, всё дальше и дальше высовывал язык, похожий на длинную красную змею, стараясь слизнуть лакомые кусочки, которые легко мог бы достать лапой. Позади него Тощий Джим изучал анатомию древнего мира. С омарами он ещё не был знаком, поэтому он решил ради опыта съесть одного.

Два других медведя с поразительной ловкостью очищали жестянки из-под фруктов. Гибкая медвежья лапа держала жестянку, а длинный язык двигался взад и вперёд в узком отверстии, осторожно избегая острых краёв и вылизывая всё, что было

внутри. Эта трогательная сцена продолжалась так долго, что я успел зарисовать её, прежде чем она внезапно прервалась.

Сначала мой взгляд уловил какое-то движение на вершине откоса, в том месте, откуда обычно появлялись медведи. Затем из лесу вышла огромная чёрная медведица в сопровождении крошечного медвежонка. Это были Злюка и маленький Джонни.

Старая медведица спускалась вниз по откосу. Джонни семенил рядом с нею, по обыкновению ворча и скуля, а мать не сводила с него глаз, как курица со своего единственного цыплёнка. Шагах в тридцати от свалки Злюка повернулась к своему сыну и, должно быть, сказала ему приблизительно следующее: «Джонни, дитя моё, тебе лучше подождать здесь, пока я схожу и разгоню эту компанию».

Джонни послушно остался, но ему хотелось видеть, что произойдёт, поэтому он поднялся на задние лапы, выпучив глаза и наострив уши.

Злюка направилась к свалке, с достоинством переступая с лапы на лапу, и предостерегающе заворчала. Четыре медведя, однако, были слишком увлечены едой, чтобы обратить на неё внимание. Что за беда, если ещё один медведь собирается присоединиться к их пиршеству! Тогда Злюка, подойдя к ним почти вплотную, издала ряд громких звуков, похожих на кашель, и бросилась в атаку. Смешно сказать, но медведи даже не пытались ей сопротивляться. Как только они увидели, кто на них напал, все сразу же помчались в лес.

Тощий Джим улепётывал во все лопатки, остальные двое тоже не отставали, но бедный Толстяк двигался слишком медленно, пыхтя и переваливаясь, как и положено толстяку. Вдобавок, к своему несчастью, он имел неосторожность направиться в сторону Джонни. В несколько прыжков Злюка настигла его и надавала ему здоровенных шлепков по задней части. Шлепки хотя и не ускорили его шагов, но заставили его завывать и переменить направление. Толь-

ко это и спасло его от дальнейшей расправы. Злюка, оставшаяся теперь единственной владелицей всей свалки, повернулась к сыну со знакомым уже мне жалобным призывом: «Ер-р-р...» В ответ Джонни радостно заковылял на своих трёх здоровых лапах — так быстро, как только мог. Присоединившись к матери, он с такой жадностью набросился на еду, что даже перестал скулить.

Очевидно, он уже бывал на свалке, так как отлично разбирался в жестянках и коробках. Коробки из-под омаров не прельщали его, если он мог найти банку из-под варенья. Некоторые жестянки доставили ему много неприятностей, так как он был слишком жаден и неловок, чтобы избежать их острых краёв. У одной соблазнительной жестянки из-под фруктов было такое большое отверстие, что он просунул внутрь всю голову и в течение нескольких минут наслаждался, вылизывая самые дальние уголки. Но вытащить голову обратно ему не удалось, он оказался пойманным. Тогда Джонни стал царапать жестянку и кричать, как сделал бы всякий другой ребёнок на его месте, доставляя этим большое огорчение своей матери, которая никак не могла ему помочь. Когда ему наконец удалось освободиться, он колотил жестянку до тех пор, пока совсем её не расплющил.

Другая большая жестянка, из-под сиропа, вознаградила его вполне. Она когда-то закрывалась крышкой, так что её отверстие имело совершенно гладкие края. Но зато голова Джонни не влезала в это отверстие, и как он ни вытягивал свой язык, он не мог добраться до её сокровищ. Однако Джонни быстро нашёл выход из положения. Запустив внутрь свою маленькую чёрную лапу, он стал водить ею по стенкам, потом вытаскивал и вылизывал её начисто. Облизывая одну лапу, он другой работал внутри жестянки, повторяя эту операцию до тех пор, пока жестянка не сделалась такой чистой внутри, как только что выпущенная с фабрики.

Потом он заинтересовался сломанной мышеловкой. Захватив её крепко передними лапами, он принялся её исследовать. От мышеловки очень соблазнительно пахло сыром. Однако эта невиданная вещица ответила на удар его лапы ударом, и он едва сдержал крик о помощи, проявив в этом случае необычное для него самообладание.

После внимательного осмотра, во время которого он наклонял голову то в одну сторону, то в другую и вытягивал губы трубочкой, мышеловка подверглась тому же наказанию, как раньше непокорная жестянка из-под фруктов. Усердие Джонни было

на этот раз вознаграждено: в самом сердце преступницы он нашёл кусочек сыру.

Джонни, по-видимому, никогда ещё не случалось отравляться. После того как он вылизал все жестянки из-под варенья и фруктов, он обратил своё благосклонное внимание на коробку из-под сардин и омаров и даже не испугался армейских мясных консервов. Его живот раздулся, как шар, а передние лапы от беспрестанного облизывания сделались тонкими и блестящими, словно он надел чёрные шёлковые перчатки.

IV

Мне пришло в голову, что моё место может оказаться очень опасным, так как одно дело — попасться на глаза одинокому медведю и совершенно другое — привлечь к себе внимание сердитой медведицы, испугав чем-нибудь её медвежонка.

«Предположим, — подумал я невольно, — что шалун Джонни проберётся к этому концу свалки и найдёт меня в моём убежище. Он сразу поднимет крик, а его мать, конечно, вообразит, что я напал на него и, не дав мне возможности объясниться, позабудет все правила вежливости, установленные в парке. Тогда дело может принять весьма неприятный оборот».

По счастью, все банки из-под варенья были в другом конце свалки. Джонни держался возле банок, а Злюка не отходила от него далеко. Заметив, что в лапы матери попала соблазнительная жестянка, Джонни с плачем побежал к ней, требуя её себе, но тут нечаянно бросил взгляд на вершину холма. То, что он там увидел, заставило его сразу присесть на задние лапы и тревожно закашлять: «Кофф, кофф, кофф, кофф...»

Мать быстро повернулась и стала смотреть в ту же сторону. Я последовал за их взглядом и там — о

ужас! — увидел громадного гризли¹. Это было настоящее чудовище, которое походило на омнибус, закутанный в мех и двигавшийся меж деревьев. Джонни заскулил и спрятался за мать. Злюка глухо заворчала, и шерсть на её спине встала дыбом. Признаюсь, и у меня волосы поднялись дыбом, но я старался не шелохнуться.

Гризли приближался величественной походкой. Его широкие плечи и серебристый мех, колыхавшийся при каждом шаге, производили впечатление такой мощи, что невольно внушали ужас. Джонни начал скулить ещё громче. Я вполне ему сочувствовал, но старался молчать по весьма понятной причине. После минутной нерешительности Злюка повернулась к своему плаксивому медвежонку и произнесла несколько слов, которые для меня звучали как короткое покашливание: «Кофф, кофф, кофф...» Но я могу представить себе, что она сказала: «Дитя моё, тебе следует взобраться на то дерево и подождать, пока я пойду и прогоню этого нахала».

Во всяком случае, так именно поступил Джонни и такое желание изъявила его мать. Но Джонни во все не был склонен отказываться от развлечения. Он хотел видеть, что произойдёт, и не удовольствовался тем, что спрятался в густых ветвях сосны, а постарался соединить безопасность с возможностью наблюдения. Он взобрался на самую высокую ветку и там, отчётливо вырисовываясь на фоне неба, вертелся и громко визжал от волнения. Ветка была так тонка, чтогнулась под его тяжестью, раскачиваясь в разные стороны при любом его движении, и я каждый миг ожидал, что она сломается. Если бы при этом Джонни упал в мою сторону, это навлекло бы на меня гнев его матери. Но ветка, к счастью, оказалась крепче, чем я думал, а Джонни был слишком

¹ В Америке водятся медведи двух пород: чёрные и серые. «Гризли» по-английски значит «сероватый», отсюда серые медведи и получили название «гризли».

искусен в подобных упражнениях, чтобы сломать её или самому потерять равновесие.

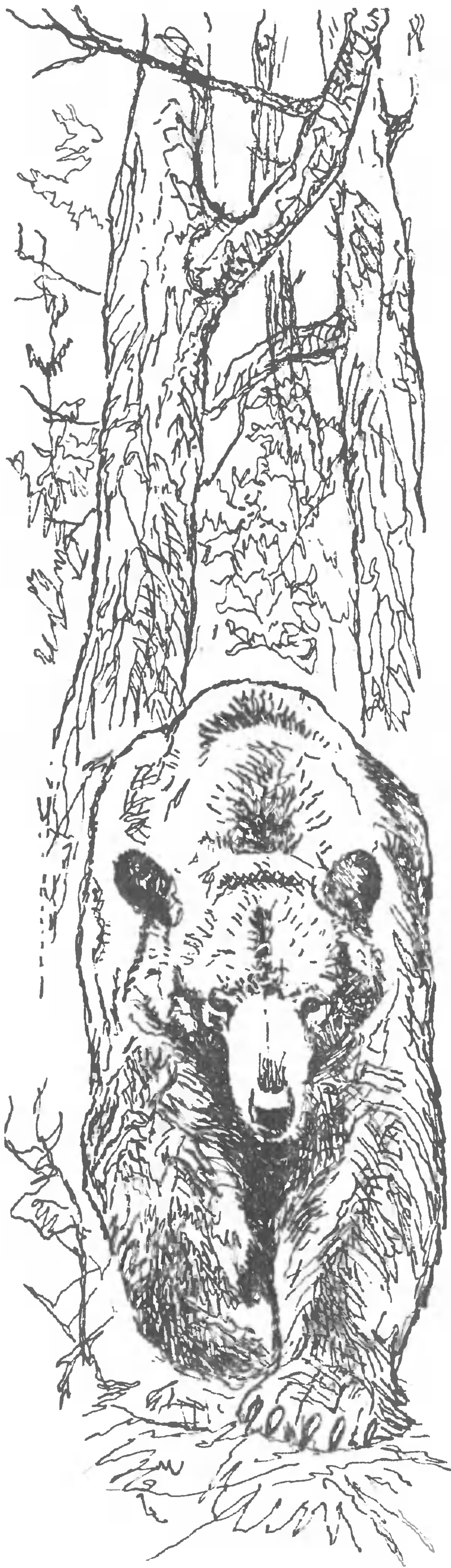
Тем временем Злюка шла навстречу Гризли, вытянувшись во весь свой рост, с ошетилившейся шерстью, лязгая зубами. Гризли, насколько я мог видеть, не обращал на неё внимания и прямо направился к свалке, как будто он был совершенно один. Но когда он поравнялся со Злюкой, она зарычала, бросилась на него и отвесила ему жестокую оплеуху. Озадаченный, он всё же успел ответить ей ударом левой лапы и опрокинул её, как куль с сеном. Нисколько этим не укрощённая, она рассвирепела ещё больше, вскочила и снова бросилась на него.

Они обхватили друг друга и катались по земле, фыркая, рыча и поднимая целые облака пыли. Но сквозь весь этот шум я мог ясно слышать Джонни, который визжал во весь голос на верхушке сосны и, видимо, ободрял мать, чтобы она поскорее покончила с противником.

Почему Гризли не сломал её пополам, я так и не мог понять. Через несколько

минут, в течение которых мне не было видно ничего, кроме пыли и неясных очертаний дерущихся, они вдруг разошлись, как будто по взаимному уговору — быть может, согласно правилам медвежьей борьбы, — и остановились, глядя в упор друг на друга, причём Злюка казалась сильно утомлённой.

Гризли, по-видимому, готов был этим ограничиться. В намерения его вовсе не входило продолжать драку, а тем более обращать внимание на Джонни. Он хотел только одного: мирно пообедать. Но нет! В тот миг, когда он сделал первый шаг по направлению к свалке, а по мнению Злюки — к её медвежонку, она возобновила нападение. Но теперь Гризли был начеку. Одним ударом он свалил медведицу с ног и отшвырнул на громадный, выдернутый с корнями пень. Это её наконец образумило. Сила полученного удара и жёсткий приём, оказанный ей торчащими корнями, похожими на рога, отбили у неё весь воинственный пыл. Кое-как поднявшись, она попыталась скрыться. Однако теперь Гризли сам пришёл в ярость и, желая хорошенько её про-

учить, стал гоняться за нею вокруг пня. Злюка была подвижнее и успевала увёртываться так, что пень всегда оказывался между нею и противником. Джонни, оставаясь на дереве, продолжал проявлять самый живой и шумный интерес к происходящему.

Наконец убедившись, что поймать её таким способом невозможно, Гризли присел на задние лапы, словно обдумывая какой-то новый манёвр. Злюка воспользовалась передышкой и, сделав прыжок от пня, успела взобраться на дерево, где сидел Джонни. Медвежонок спустился немного ниже, быть может для того, чтобы её встретить или чтобы дерево не треснуло под их двойной тяжестью.

Сфотографировав эту интересную группу, я решил любой ценой получить снимок с более близкого расстояния. В первый раз за этот день я выскочил из своей норы и перебежал под самое дерево. Но эта перемена места была ошибкой, так как густые нижние ветви совершенно заслонили от меня медведей, сидевших у вершины.

Прижавшись к самому стволу, я глядел вверх и выжидал момента, чтобы пустить в ход фотоаппарат. Вдруг Злюка стала спускаться, щёлкая зубами и угрожающе кашляя. Пока я стоял в нерешительности, сзади меня раздался чей-то голос:

— Эй, мистер, берегитесь! Старая медведица нападёт на вас.

Я обернулся и увидел молодого пастуха. Он проезжал мимо верхом на лошади как раз в то время, когда развёртывались события.

— Вы знаете этих медведей? — спросил я, когда он подъехал ближе.

— Ещё бы! — отвечал он. — Этот малыш наверху — Джонни, а медведица — его мать Злюка. Она и всегда-то может напасть. А уж если Джонни так разревётся, то добра не жди!

— Мне бы хотелось сфотографировать её, когда она сойдёт вниз.

— Тогда вот что, — сказал пастух. — Я оста-

нусь рядом с вами на лошади и, если медведица на вас нападёт, попробую её отогнать.

Он стал рядом со мною, как было условлено, в то время как Злюка с грозным ворчаньем медленно спускалась с сука на сук. Но, почти достигнув земли, она вдруг перебралась на другую сторону ствола и, спрыгнув вниз, убежала, не попытавшись выполнить свои страшные угрозы.

Итак, Джонни остался один. Взобравшись на старое место, он жалобно заплакал: «Уа-уа-уа!»

Камера была наготове, и я уже собирался запечатлеть Джонни в его любимой позе, которую он принимал всегда, когда плакал, но вдруг он вытянул шею и стал кричать во всё горло, как во время драки.

Взглянув в ту сторону, куда смотрел Джонни, я увидел, что прямо на меня идёт Гризли, пока ещё не начиная враждебных действий, но с очевидным намерением пройти всё расстояние, отделявшее нас друг от друга.

Я спросил моего приятеля, пастуха, знает ли он этого медведя.

— Как не знать! Это старый Гризли, самый большой медведь в парке. Обыкновенно он занят только своими делами, но он никого не боится, а сегодня ему уже довелось подраться, так что он может и напасть.

— Мне бы хотелось его сфотографировать, — заметил я. — Если вы мне поможете, я готов рискнуть.

— Ладно, — ответил пастух, широко улыбнувшись. — Я останусь на лошади и, если он бросится на вас, постараюсь его отвлечь. Я могу ударить его один раз, но второй раз мне вряд ли это удастся. Так что присмотрите-ка заранее дерево получше.

Но так как единственное дерево поблизости было то, на котором сидел Джонни, предложение пастуха меня совершенно не прельщало. Я живо представил себе, как карабкаюсь наверх, к Джонни, а мать его преследует меня по пятам, в то время как Гризли

поджидает внизу той секунды, когда Злюка сбросит меня прямо ему в лапы.

Гризли приближался. Я сфотографировал его в сорока шагах, затем ещё раз — в двадцати, а он спокойно продолжал шествовать ко мне. Я присел на кучу мусора и приготовился. Восемнадцать шагов, семнадцать шагов, двенадцать, восемь... Он всё ещё шёл, а Джонни кричал всё громче. Наконец в пяти шагах от меня он остановился и наклонил свою страшную бородатую голову набок, чтобы рассмотреть, кто поднимает такой гам на вершине дерева. Это движение показало мне его в профиль, и я снова щёлкнул камерой. При этом звуке он обернулся с таким ужасным рычанием, что я замер на месте, думая, что пришла моя последняя минута. Некоторое время он смотрел на меня в упор, и я мог различить маленькие зелёные огоньки в его глазах. Затем он опять медленно повернулся и схватил большую банку из-под томата.

«Господи! Неужели он швырнёт её в меня?»

Так я подумал. Но вместо этого он принялся неторопливо её вылизывать, затем отбросил в сторону и взял другую банку, потеряв сразу всякий интерес ко мне и к Джонни и решив, по-видимому, что мы оба не стоим его внимания.

Я стал пятиться назад, медленно и почтительно, как подобает в присутствии короля лесов, оставляя в его полном распоряжении все богатства свалки, в то время как Джонни в своём убежище продолжал вопить.

Что произошло со Злюкой дальше в тот день, мне неизвестно. Джонни, поплакав ещё некоторое время, понял наконец, что ему не у кого искать сочувствия, и весьма благоразумно замолчал. Оставшись без матери, которая одна могла бы о нём позаботиться, он решил, что надо действовать самому, и проявил при этом бóльшую сообразительность, чем можно было от него ожидать. Проследив за Гризли с лукавым выражением на маленькой чёрной мордочке и по-

дождав, пока тот отошёл на некоторое расстояние от дерева, он тихо соскользнул на землю с другой стороны ствола, потом на трёх ногах перебежал, как заяц, к соседнему дереву, не останавливаясь и не переводя дыхания, пока не взобрался на самую верхнюю ветку. Несомненно, он был вполне убеждён в том, что Гризли только и думает, как бы убить его, маленького Джонни. Но он так же твёрдо знал, что его враг не может лазить по деревьям.

Внимательно понаблюдав за Гризли, который не обращал на него ни малейшего внимания, Джонни повторил опять тот же манёвр, сделав для разнообразия движение в сторону, чтобы обмануть врага. Так он перебегал от дерева к дереву, взбираясь на самую вершину каждого из них, хотя бы оно было совсем рядом, пока наконец не скрылся в лесу. Минут через десять снова слышался его плаксивый голос в отдалении. Я понял, что он нашёл мать и возобновил свои жалобы, рассчитанные на пробуждение её родительских чувств.

V

Из всех консервных банок на свалке больше всего по вкусу Джонни приходились те, на которых была этикетка, изображавшая большую лиловую сливу. Самый запах этих слив волновал его.

Однажды, когда в кухне гостиницы пекли сразу громадное количество пирожков со сливовым вареньем, болтливый ветерок разнёс известие об этом событии далеко по лесу. Оно проникло через нос Джонни в самую его душу.

Джонни, по своему обыкновению, в это время скулил и хныкал. Злюка была занята облизыванием и причёсыванием своего сынка, так что он вдвойне имел основание жаловаться. Но запах пирожков совсем заворожил его. Он вскочил, а при попытке матери удержать его на месте поднял крик и даже

укусил её. Нужно было бы хорошенько проучить его за это, но она только неодобрительно поворчала и пошла за ним, чтобы защитить, если кто-нибудь вздумает его обидеть.

Держа свой чёрный носик по ветру, Джонни помчался прямо к кухне. Впрочем, по дороге он принимал некоторые предосторожности, взбираясь время от времени на самые вершины сосен, для того чтобы бросить взгляд на окрестность, а Злюка сторожила внизу. Так они добрались до самой кухни. Там, на верхушке последнего дерева, предприимчивость Джонни сразу иссякла, и он так и не решился спуститься вниз, выражая свою тоску по пирожкам душераздирающим плачем. Вряд ли Злюка поняла, почему он плачет. Но когда она захотела повернуть назад, в лес, Джонни устроил такой скандал, что она не решилась его оставить, а он сам не изъявлял никакого желания сойти с дерева.

Злюка и сама была не прочь отведать сливового варенья, запах которого возле гостиницы был особенно силён. И вот с некоторой опаской она направилась к кухонной двери. В этом не было ничего удивительного. В Йеллоустонском парке медведи нередко приходят к дверям кухни за подачками и, получив что-нибудь, так же мирно удаляются обратно в лес. Несомненно, Джонни и Злюка получили бы каждый по пирожку, если бы не совершенно неожиданное обстоятельство.

Незадолго до этого какой-то заезжий путешественник из Восточных штатов привёз в гостиницу кошку. Сама она была ещё почти котёнком, но уже имела целую семью собственных котят. Когда Злюка подошла, кошка вместе с котятами нежилась на солнце, лёжа на кухонном крыльце. Раскрыв глаза, кошка с удивлением смотрела на громадное мохнатое чудовище, стоящее над нею.

Кошка никогда раньше не видела медведя: она ещё слишком недолго прожила в парке. Она даже не понимала, что такое медведь. С собаками она была

хорошо знакома, и если это была собака, то, во всяком случае, самая большая и страшная из всех, каких только она видела наяву и во сне. Первая мысль кошки была спастись бегством, но затем она подумала о котятах. Она должна позаботиться о них и, по крайней мере, дать им возможность уйти. И вот маленькая мать встала посреди крыльца и, выгнув спину, выпустив когти и распустив хвост, прошипела медведице свой приказ: «Стой!»

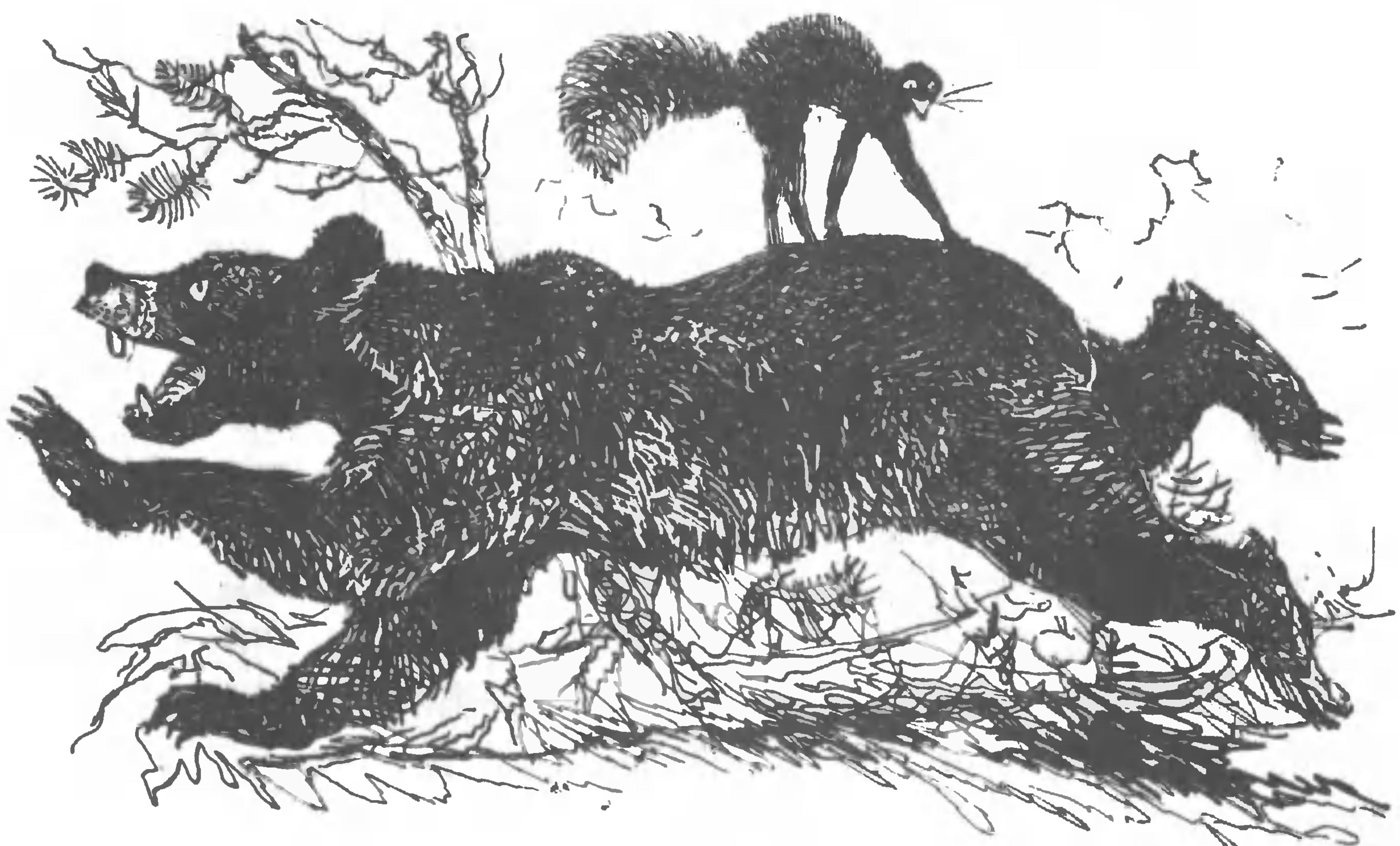
Хотя это было сказано на кошачьем языке, но медведица вполне поняла смысл. Очевидцы утверждают, что Злюка не только остановилась, но даже подняла вверх передние лапы в знак покорности.

Но когда она приняла это положение и взглянула на кошку сверху, кошка показалась ей уж совсем крошечной. Старая Злюка не побоялась даже Грizzly, неужели теперь её удержит такое ничтожное хвостатое существо величиной не больше её пасти? Ей стало стыдно самой себя. А плач Джонни напомнил ей о её прямом долге — защищать сына.

Тогда она снова опустилась на все четыре лапы с намерением идти дальше.

И опять кошка крикнула: «Стой!»

Однако Злюка на этот раз не послушалась. Испуганное мяуканье котят волновало кошку, и она бро-

силась на неприятеля. Восемнадцать острых когтей и полная пасть зубов — всё оружие, которое имела кошка, — было пущено ею в ход, и с мужеством отчаяния она вцепилась в голый чувствительный нос Злюки — самое слабое место у всякого медведя — и потом по её спине перебралась к хвосту. После двух-трёх попыток сбросить разъярённого маленького зверя старая Злюка поступила так, как поступает большинство при таких обстоятельствах: она показала пятки и бросилась прочь из неприятельского лагеря в родные леса.

Но в кошке проснулись воинственные наклонности. Она не удовлетворилась изгнанием врага, а хотела добиться полного его поражения и безусловной покорности. Хотя старая Злюка убегала во всю прыть, кошка оставалась у неё на спине, орудуя зубами и когтями, как маленький чертёнок. Злюка, охваченная ужасом, стала кидаться в разные стороны, и путь этой странной пары отмечался на земле клочками длинной чёрной шерсти и даже кое-где пятнышками крови.

Гордость кошки была удовлетворена, но этого ей было мало, она продолжала бешеную скачку. Злюка пришла в полное отчаяние. Она была унижена и готова принять любые условия сдачи, но кошка казалась глухой к её вою. И неизвестно, как далеко зашло бы дело, если бы не Джонни, который пронзительным криком с верхушки дерева внушил матери новый план спасения. Злюка в два прыжка достигла сосны и вскарабкалась наверх.

Здесь кошка ясно почувствовала, что попала в лагерь неприятеля, численность которого вдобавок удвоилась. Благоразумно решив прекратить преследование, она соскочила со спины медведицы на землю и стала прогуливаться вокруг дерева с высоко поднятым хвостом, вызывая поглядывая вверх, точно приглашая врага спуститься. Потом к ней присоединились котята и, усевшись в кружок, стали громко выражать своё удовольствие. По уверениям

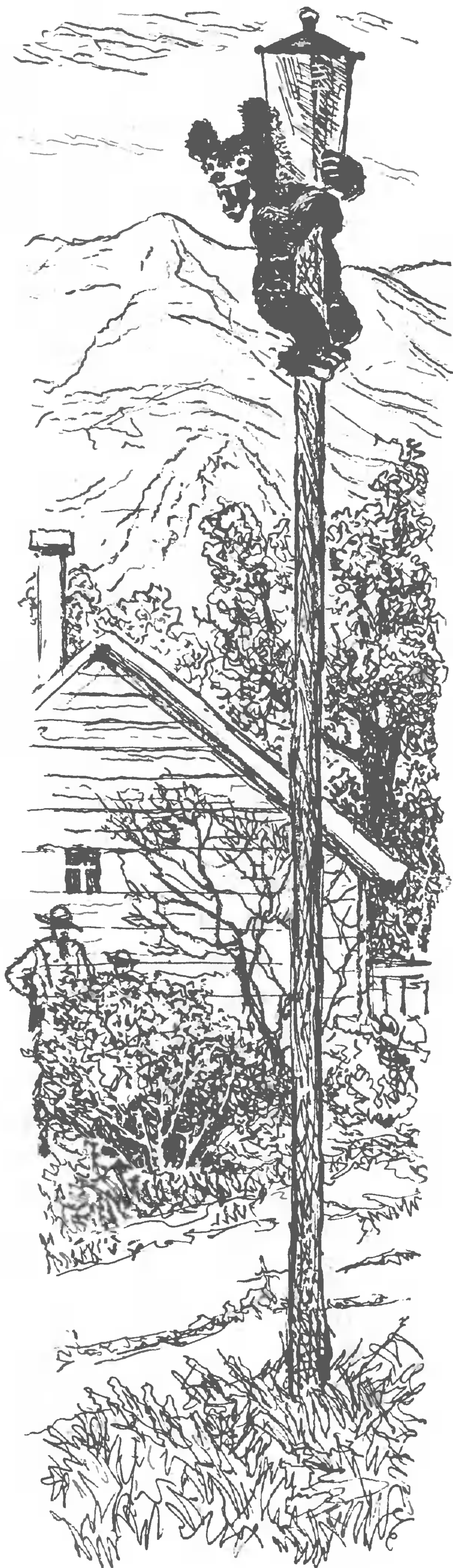
свидетелей, медведи ни за что не спустились бы с дерева и погибли от голода, если бы повар не отозвал кошку. Впрочем, последнее может быть и преувеличением.

VI

Когда я в последний раз видел Джонни, он сидел на верхушке дерева и, по обыкновению, оплакивал свою несчастную участь. А в это время Злюка рыскала между соснами, высматривая какую-нибудь жертву для расправы, при условии, конечно, что это не будет Гризли или кошка.

Было начало августа, и в поведении Злюки уже замечалась некоторая перемена. Среди обитателей парка она всегда считалась опасной, а её любовь к Джонни признавалась основной чертой её характера. Между тем к концу этого месяца Джонни уже нередко проводил целые дни на верхушке какого-нибудь дерева в полном одиночестве, чувствуя себя глубоко несчастным.

Последняя глава его короткой истории относится уже к тому времени, когда я уехал из Йеллоустонского парка.

Однажды на рассвете Джонни тащился следом за своей матерью, блуждавшей вблизи гостиницы. В кухне в это время находилась девушка-ирландка, незадолго до того принятая на службу. Выглянув в окно, она увидела, как ей показалось, телёнок, забредшего куда не следует, и побежала прогнать его. Открытая кухонная дверь со времени истории с кошкой всё ещё вызывала такой ужас в Злюке, что она сейчас же пустилась наутёк. Джонни, заражённый её испугом, бросился к ближайшему дереву, которое, к несчастью, оказалось... столбом. Быстро, слишком быстро достиг он его верхушки в каких-нибудь семи футах от земли и там принялся изливать своё горе, тогда как Злюка продолжала бежать без оглядки. Когда девушка подошла ближе и увидела, что загнала на столб какого-то дикого зверя, она перепугалась не меньше своей жертвы. Но тут подоспели кухонные служители и, узнав крикуна Джонни, решили взять его в плен.

Принесли ошейник и цепь, и после борьбы, во время которой несколько человек были сильно поцарапаны, на шею строптивого медвежонка был надет ошейник, а цепь крепко привязана к столбу.

Почувствовав себя в плену, Джонни пришёл в такое бешенство, что даже не мог кричать. Он только кусался, рвал и царапал всё вокруг себя, пока не выбился из сил. Тогда он снова заголосил, призывая мать. А она хотя и показывалась раза два на почтительном расстоянии, но, боясь встретиться с кошкой, в конце концов ушла в лес, предоставив Джонни своей участи.

Весь этот день он то бился, то принимался кричать. К вечеру он окончательно обессилел и даже принял пищу, которую ему принесла ирландка Нора. Эта девушка чувствовала обязанной принять на себя роль приёмной матери Джонни: ведь по её вине он лишился настоящей матери!

Ночь была очень холодная, но Джонни только тогда решился воспользоваться приготовленной для

него тёплой постелью, когда, видимо, совершенно замёрз.

В последующие дни Злюка часто появлялась на свалке, но, очевидно, она совсем забыла о своём сыне. Джонни продолжал оставаться на попечении Норы и получать от неё пищу. Впрочем, он получил от неё и кое-что новое для себя: однажды, когда она принесла ему обед, он цапнул её и за это впервые в своей жизни был отшлёпан самым настоящим образом. В течение нескольких часов он дулся: он не привык к подобному обращению. Но голод взял своё, и с тех пор он стал относиться к своей воспитательнице с большим почтением. Нора усердно воспитывала осиротевшего медвежонка, и через две недели нрав Джонни уже значительно изменился. Он стал много спокойнее и хотя по-прежнему выражал свой голод в плаксивых звуках «ер-рр-р, ер-р-р, ер-р-р...», но уже редко поднимал крик, а его неистовые выходы совершенно прекратились.

Ко второй половине сентября перемена в его характере сделалась ещё более заметной. Брошенный своей матерью, он всецело привязался к Норе, которая его кормила и наказывала, и из него выработался чрезвычайно благовоспитанный медвежонок. Иногда Нора даже отпускала его на свободу. И он в таких случаях направлялся не в лес, а в кухню, где находилась его приёмная мать, и ходил за нею по пятам на задних лапах. Здесь ему также пришлось познакомиться с грозной кошкой. Но Джонни имел теперь могущественного покровителя, и кошке в конце концов пришлось заключить с ним мир.

В октябре гостиница должна была закрыться на зиму. Стали думать о том, как поступить с Джонни: выпустить ли его на свободу или отправить в Вашингтонский зоологический сад. Однако Нора предъявила на него свои права, которыми ни за что не хотела поступиться.

С наступлением морозных ночей, в последних числах сентября, у Джонни появился сильный ка-

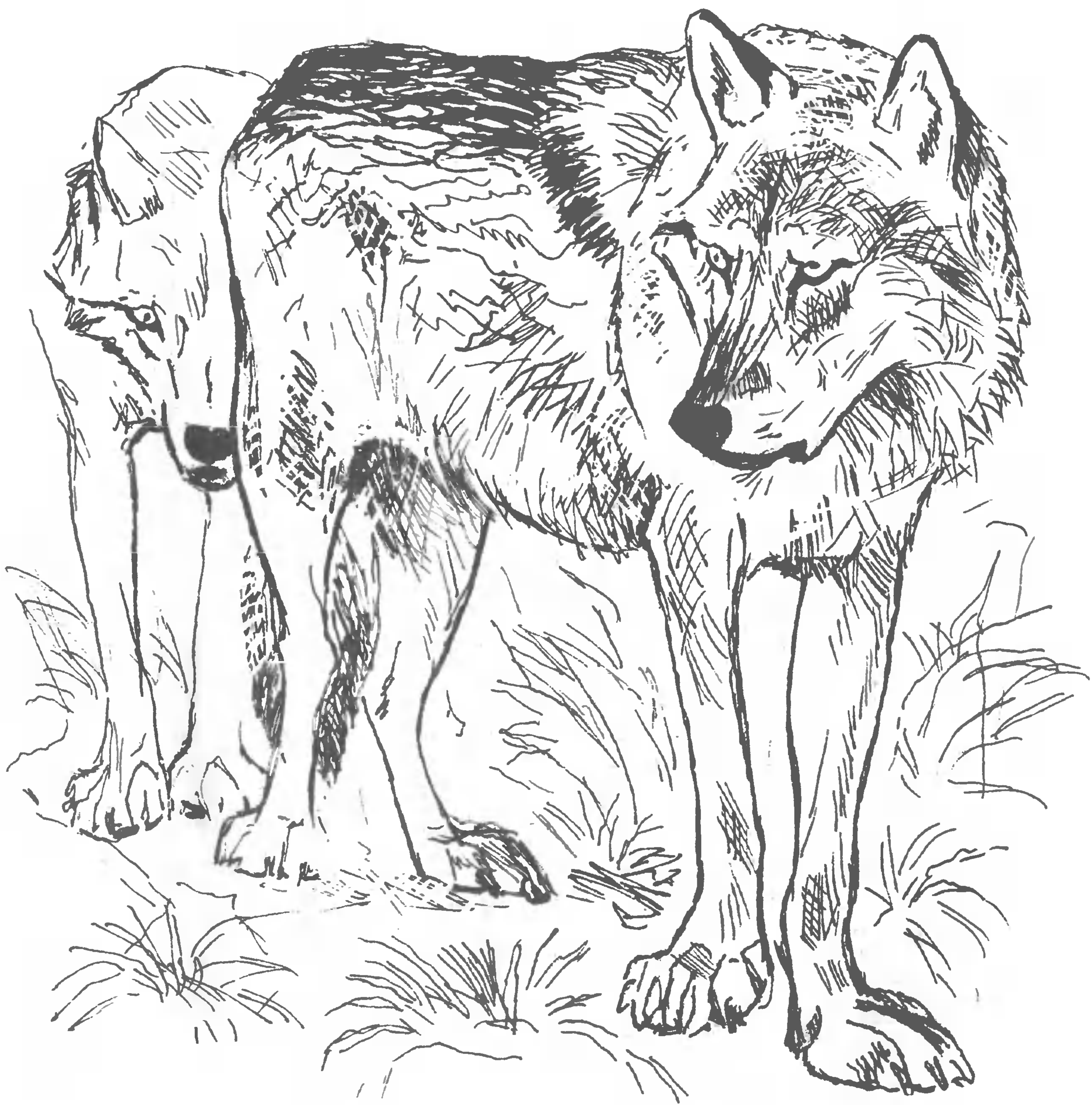
шель. Осмотрели его хромую ногу и увидели, что хромота зависела не от какого-либо повреждения, а объяснялась общим недомоганием и слабостью всего организма.

Осенью он не только не разжирел, как большинство медведей, но, наоборот, продолжал худеть. Живот у него ввалился, кашель делался всё сильнее и сильнее, и однажды утром его нашли совсем больным и дрожащим в его постели у столба. Тогда Нора взяла его в дом, и с тех пор он остался на кухне.

На несколько дней в его здоровье, казалось, наступило улучшение, в нём пробудилось прежнее любопытство ко всему окружающему. Большое светлое пламя в кухонном очаге особенно привлекало его, и когда открывали дверцы, он усаживался на задние лапы с выражением сосредоточенного внимания. Но через неделю он потерял интерес даже к этому зрелищу и со дня на день хирел всё больше и больше. В конце концов, что бы ни происходило около него, уже ничто не могло больше пробудить его былую любознательность.

Кашель его всё усиливался, и он казался очень несчастным, за исключением тех минут, которые проводил на коленях у Норы. Тогда он ласкался к ней и разными способами выражал свою радость, но всякий раз принимался жалобно плакать, как только она отправляла его обратно в корзинку, служившую ему постелью.

За несколько дней до закрытия гостиницы Джонни впервые отказался от своего обычного завтрака и тихо скулил, пока Нора не взяла его к себе на колени. Он прижался к ней, но его нежное «ер-р-р, ер-р-р...» звучало всё слабее и слабее, пока совсем не затихло. Через полчаса после того, как она уложила его обратно в корзинку и принялась за свою работу, маленький Джонни навсегда утратил стремление видеть и понимать всё, что происходило вокруг него.

ЛОБО

I

Большая скотоводческая область в северной части Нью-Мéксико называется Куррúмпо. Это край богатых пастбищ, огромных стад, высоких холмов и прозрачных, но немногочисленных потоков, впадающих в реку Куррумпо, которая и дала название всей местности. И властелином края был старый серый волк.

Старый Лóбо был гигантским вожаком стаи серых волков, опустошавших долину Куррумпо в течение долгих лет. Все пастухи и скотоводы хорошо знали его, и где бы он ни появлялся со своей верной стаей, там воцарялся ужас и владельцы стад приходили в отчаяние. Старый Лобо был волк-великан, а его хитрость и сила соответствовали его росту. Его ночной вой был хорошо известен всем местным жителям, которые узнавали его сразу. Обыкновенный волк мог часами выть вблизи пастушьего лагеря, не привлекая к себе внимания, но когда в ущелье раздавался громкий рёв старого вожака, пастухами овладевало беспокойство, и они знали, что утром им придётся узнать о новых опустошениях в стадах.

Стая Лобо была невелика. Я никак не мог понять почему. Обыкновенно вокруг такого выдающегося вожака собирается значительная свита. Но, может быть, Лобо не хотел водить большую стаю, а может быть, её увеличению препятствовал свирепый нрав. Несомненно одно: в последние годы жизни Лобо его стая состояла всего лишь из пяти волков, однако каждый из них пользовался известностью и отличался огромными размерами. Один из них, помощник Лобо, был настоящим гигантом. Но даже он далеко уступал Лобо в силе и проворстве.

Остальные волки этой стаи тоже обладали своими особенностями. Одного из них, красивого белого волка, мексиканцы называли Бланкой, полагая, что это волчица и, вероятно, подруга Лобо. Другой, жёлтый волк, отличался быстротой бега и, по рассказам, не раз догонял быстроногую антилопу.

Жизнь этих волков была тесно связана с жизнью скотоводов, которые рады были бы их уничтожить. Любой скотовод отдал бы многих молодых быков за скальп любого волка из стаи Лобо. Но убить их не удавалось никакими способами. Они точно насмехались над охотниками, презирали всякую отраву и продолжали, по крайней мере в течение пяти лет, взимать дань со скотоводов Куррумпо — по одной

корове каждый день. Следовательно, эти волки по самому скромному подсчёту истребили более двух тысяч животных, а к тому же они всегда выбирали самых лучших из всего стада.

Старинное убеждение, что волк постоянно голоден и готов пожирать всё, что угодно, в данном случае никак не соответствовало истине, так как эти хищники были толсты, упитанны и отличались большой разборчивостью в еде. Они никогда не прикасались к животному, умершему естественной смертью, больному или хилому и даже пренебрегали теми, которых убивал пастух. Обычно они выбирали себе на обед самую нежную часть только что убитой ими годовалой тёлки. Старым быком или коровой они брезговали. Известно также, что они не любили баранины, хотя частенько убивали овец ради забавы. Однажды ночью в ноябре 1893 года Бланка и жёлтый волк растерзали двести пятьдесят овец и даже не попробовали их мяса.

Я мог бы привести ещё много таких же рассказов о разорительных набегах этой стаи. Ежегодно в ход пускались всевозможные новые средства для их истребления, но они продолжали жить и благоденствовать, несмотря на все усилия и ухищрения своих врагов.

За голову Лобо была назначена огромная премия, и для него всюду разбрасывались отравленные приманки, но он всегда угадывал присутствие яда и оставался цел. Одного он только боялся — огнестрельного оружия. Зная, что все жители этой области носят с собой ружья, Лобо никогда не нападал на человека и старался не встречаться с ним. У стаи было правило тотчас же обращаться в бегство, едва только кто-нибудь замечал днём человека, как бы далеко тот ни был в ту минуту. Лобо позволял своей стае употреблять в пищу лишь тех животных, которые были убиты ими самими, и это было спасением для них. Его тонкое чутьё давало ему возможность тотчас же обнаружить прикоснове-

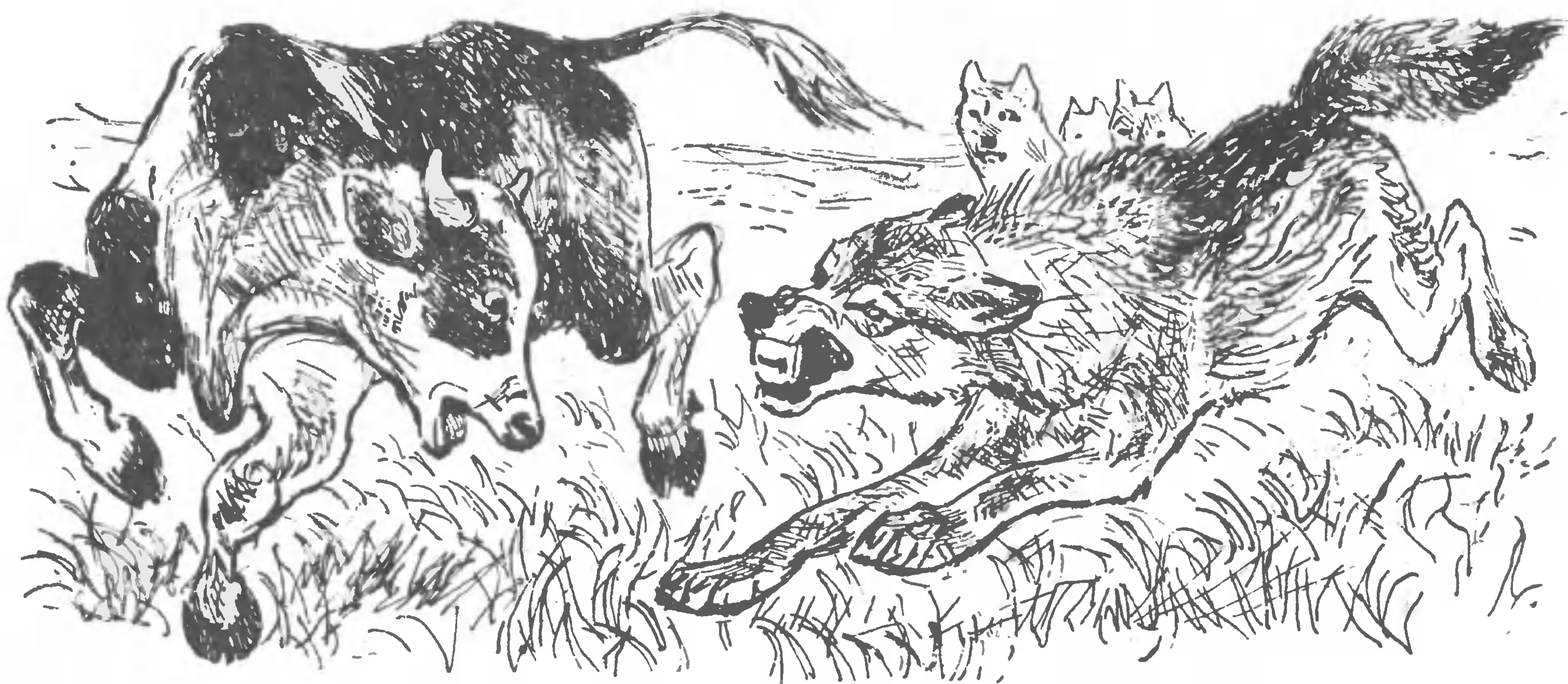
ние человеческих рук и присутствие отравы и оберегать стаю.

Однажды один ковбой услышал слишком хорошо ему знакомый призывный вой старого Лобо и, прокравшись в ту сторону, увидел, что стая окружила небольшое стадо коров.

Лобо сидел в стороне на пригорке, а Бланка вместе с остальными волками старалась отогнать в сторону тёлку, которую они облюбовали себе на обед. Но стадо сбилось в одну плотную массу и стояло головами наружу, выставив навстречу врагу сплошной ряд рогов.

В конце концов Лобо потерял терпение и, покинув пригорок, с глухим рёвом бросился к стаду.

Перепуганные животные расступились перед ним, и он вскочил в середину стада. Коровы кинулись во все стороны, точно осколки разорвавшейся бомбы. Намеченная жертва тоже бросилась бежать, но не успела она сделать и двадцати пяти шагов, как Лобо настиг её. Схватив тёлку за шею, он внезапно остановился, напрягая все силы, и тёлка повалилась на землю. Рывок был так силён, что тёлка перекувырнулась вверх ногами. Лобо тоже упал, но тотчас же вскочил на ноги. Остальные волки бросились на бедную тёлку и покончили с ней в несколько секунд.

Лобо не принимал в этом никакого участия. Швырнув на землю свою жертву, он точно сказал другим волкам: «Отчего никто из вас не сделал этого раньше, вместо того чтобы понапрасну терять время?»

Ковбой, видевший всё это, с громким криком поскакал на них, и волки разбежались. Он вынул бутылочку со стрихнином, быстро в трёх местах отравил тушу мёртвой тёлки и удалился, зная, что волки непременно вернутся съесть тёлку, раз они её сами убили. Но когда на следующее утро он пришёл взглянуть на свои предполагаемые жертвы, то увидел, что волки хотя и ели тёлку, но при этом тщательно отделили и выбросили все отравленные части.

Страх перед огромным волком распространялся среди скотоводов всё больше и больше, и награда, назначенная за голову Лобо, ежегодно увеличивалась, пока не достигла наконец тысячи долларов — ещё небывалой цены за убитого волка.

Соблазнённый такой наградой, техасский охотник Тённерей прискакал однажды в ущелье Куррумпо. Он был превосходно снаряжён для волчьей охоты, располагал отличнейшими ружьями, отличными лошадьми и сворой огромных волкодавов. У себя в Техасе он вместе со своими собаками истребил немало волков и потому нисколько не сомневался, что через несколько дней скальп старого Лобо будет болтаться на луке его седла.

И вот он ранним летним утром, едва рассвело, отважно отправился на охоту, и вскоре большие собаки весёлым лаем возвестили, что напали на след добычи. Не пробежали они и двух миль, как впереди замелькала прославленная стая Лобо, и погоня стала ещё яростнее, ещё неистовее. Собаки-волкодавы должны были только задержать волков, пока не подоспеет охотник и не перестреляет их. Это нетрудно сделать на открытых равнинах Техаса, но тут условия были иные. Старый Лобо хорошо умел

выбрать местность. Скалистые ущелья реки Куррумпо и её притоков пересекали равнину во всех направлениях. Старый волк тотчас же отправился в ближайшее из этих ущелий и, перебравшись через поток, ушёл от охотника. Его стая разбежалась в разные стороны, а вслед за волками разбежались и собаки. Затем волки опять собрались вместе и, воспользовавшись тем, что часть собак отстала, разделались с остальными. Когда Теннерей вечером стал сзывать своих собак, то вернулось только шестеро, и из них две были сильно изранены. Однако охотник всё-таки не отказался от своего намерения и сделал ещё две попытки овладеть скальпом Лобо, но столь же безуспешно. Последняя попытка стоила жизни его лучшей лошади, которая упала и разбилась насмерть. Тогда он, отчаявшись в успехе, вернулся в Техас, предоставив Лобо по-прежнему деспотически властвовать в Куррумпо.

На следующий год явились ещё два охотника, соблазнённые заманчивой наградой.

Каждый думал, что именно ему удастся справиться с этим знаменитым волком.

Один из них надеялся достигнуть этого с помощью новоизобретённой отравы и особого способа располагать приманку. Другой, француз из Канады,

тоже хотел применить отраву, но, кроме того, намеревался присоединить к ней заклинания, так как был твёрдо уверен, что Лобо не простой волк, а оборотень, и потому его нельзя убить обычными средствами.

Однако никакие искусно приготовленные яды, никакие чары и заклинания не могли одолеть серого хищника. Он по-прежнему совершал свои еженедельные обходы и ежедневно пировал. Вскоре охотники, отчаявшись, отказались от дальнейших попыток и отправились охотиться в другие края.

Ферма Джо Калона была расположена на одном из маленьких притоков Куррумпо, в живописном ущелье среди скал.

Всего в какой-нибудь тысяче ярдов от дома Лобо со своей подругой устроили логовище и вырастили детёнышей.

Они прожили там всё лето, истребляя коров, овец и собак Джо, точно смеясь над всеми его ухищрениями, над его отравами и западнями. Они жили в полной безопасности среди пещер и скал, а Джо ломал себе голову, стараясь придумать, как выкурить их оттуда или уничтожить с помощью динамита. Но они остались целы и невредимы и продолжали свои набеги, как и раньше.

— Вот где Лобо прожил нынешнее лето, — сказал Джо, указывая мне на каменистый обрыв. — А я ничего не мог с ним поделать. Он морочил меня, как хотел.

II

Рассказы ковбоев не возбуждали во мне особого доверия, пока осенью 1893 года я не познакомился сам с этим лукавым разбойником и не узнал его лучше, чем другие.

За несколько лет до этого, когда был ещё жив Бинго, я занимался охотой на волков. Но с тех пор род моих занятий изменился, и я оказался прикованным к стулу и к письменному столу. Я очень нуждался в перемене образа жизни, и когда один мой приятель, хозяин фермы в Куррумпо, пригласил меня приехать к нему и попробовать, не справлюсь ли я как-нибудь с этой разбойничьей стаей, я тотчас же принял приглашение.

В первые дни я много ездил верхом, чтобы познакомиться с местностью. Мой проводник по временам указывал мне на кости какой-нибудь коровы, ещё покрытые остатками шкуры, и замечал при этом: «Вот его работа!»

Мне стало ясно, что среди этих холмов и ущелий нечего и думать преследовать Лобо с собаками и лошадьми. Единственными пригодными средствами поэтому оставались капканы и отравы.

Не стану вдаваться в подробности и описывать всевозможные способы и ухищрения, к которым я прибегал, чтобы перехитрить этого «волка-оборотня». Не было такой смеси стрихнина, мышьяка и цианистого калия, которую я не испробовал бы как отраву для Лобо. Не было ни одного сорта мяса, которое я не употреблял бы как приманку. Но каждый день, отправляясь утром узнать о результатах, я убеждался, что все мои усилия оказывались бесплодными. Старый волк был слишком хитёр, и я не мог его перехитрить.

Достаточно привести один пример, чтобы доказать его удивительную сообразительность.

По совету одного старого охотника я растопил немного сыру вместе с почечным жиром только что убитой тёлки; сыр я варил в фарфоровой миске и резал костяным ножом, чтобы избежать металлического запаха. Когда смесь остыла, я разделил её на куски и, сделав отверстие в каждом куске, вложил туда большую дозу стрихнина и цианистого калия, заключённых в капсулу, не пропускающую никакого запаха. Затем я закупорил дыры сыром. Во время этой работы я не снимал перчаток, смоченных в тёплой крови тёлки, и даже старался не дышать на приманку. Когда всё было готово, я положил приманку в мешок из сыромятной кожи, тоже весь вымазанный кровью, и поехал верхом, волоча за собой на верёвке печень и почки тёлки. Я сделал круг в десять миль, бросая через каждые четверть мили по куску приманки, тщательно избегая при этом прикасаться к ней руками.

Лобо появлялся в этой местности в начале каждой недели, а остальное время проводил, по-видимому, где-нибудь около подножия Сьерра Гранде.

Дело было в понедельник, и в тот самый вечер, когда мы уже собирались уезжать, я услышал басистый вой. Один из ковбоев коротко заметил:

— А вот и он! Теперь посмотрим, что будет.

На следующее утро я с зарёй отправился в путь, желая поскорее узнать результаты моей хитрости. Я быстро напал на следы стаи, которую вёл Лобо — его след всегда можно было легко отличить, так как он был значительно крупнее следа обычного волка.

Волки скоро почуяли приманку, которую я волочил за собой. Я убедился, что Лобо подошёл к первому куску, обнюхал его и в конце концов взял и проглотил.

Тут я не мог скрыть своей радости.

— Наконец-то он попался! — воскликнул я. — Скоро я увижу его мёртвым.

И я поскакал вперёд, не сводя глаз с больших следов, оставленных его лапами в пыли. Они довели меня до того места, где я бросил вторую приманку, и я увидел, что она тоже исчезла.

Как я ликовал при этом!

Теперь он попался! И вероятно, ещё несколько других волков из его стаи.

Но широкий след его лап не исчезал с дороги, и хотя я поднимался на стременах и осматривал всю равнину, я нигде не мог разглядеть мёртвого волка.

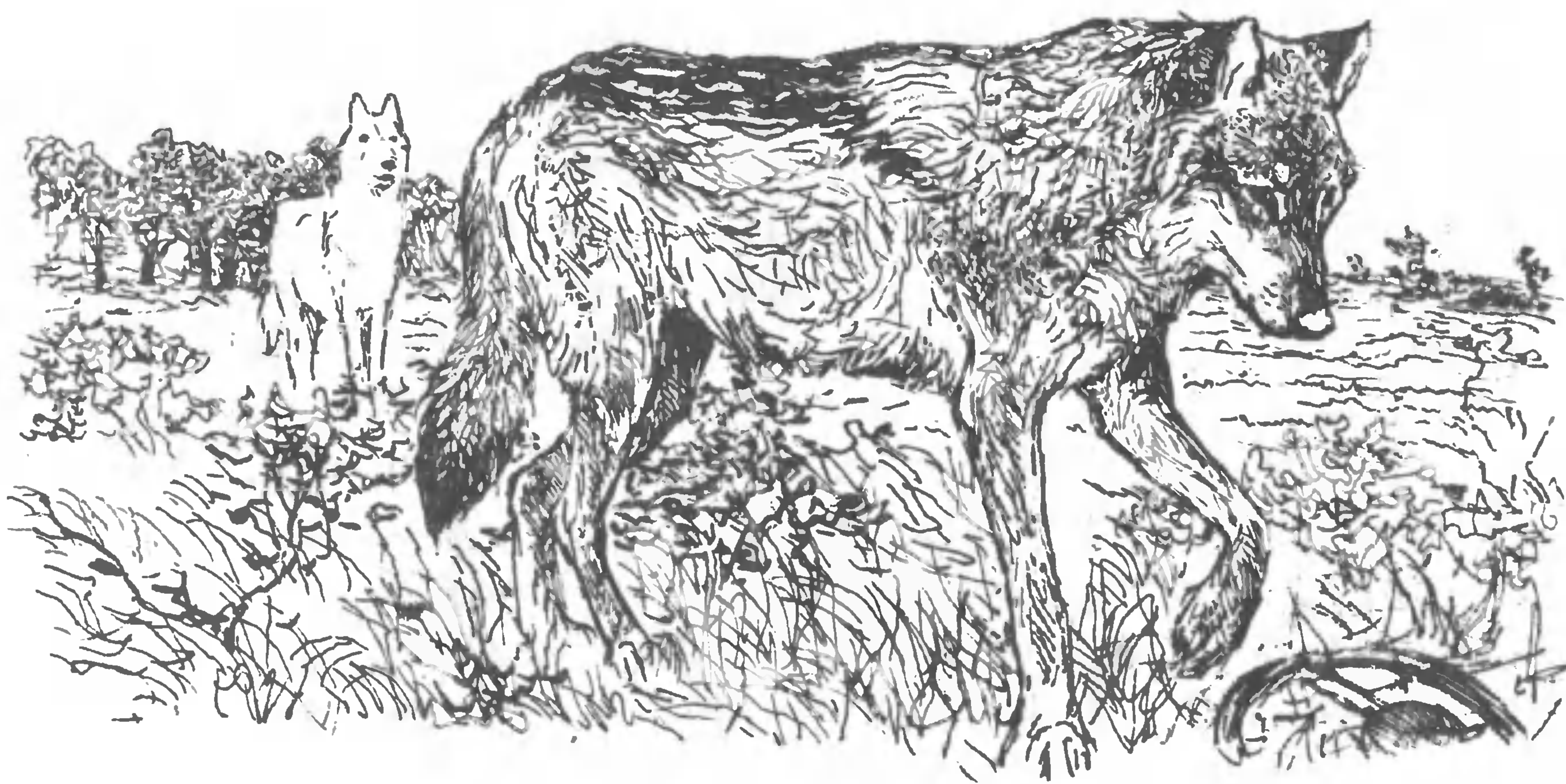
Я поехал дальше по его следу и увидел, что третья приманка тоже исчезла, а след вёл дальше, к четвёртой. И тут я убедился, что Лобо не проглотил ни одной из них, а только тащил их в своей пасти и затем, сложив в кучу, загрязнил их нечистотами, чтобы выразить своё полное презрение к моей хитрости. Сделав это, он свернул в другую сторону, уводя за собой стаю, которую оберегал так бдительно...

Я рассказал только один из многих подобных же случаев, убедивших меня, что с этим разбойником нельзя справиться посредством отравы. Я выписал капканы и, ожидая их прибытия, занялся истреблением койотов и других хищных обитателей прерий.

Однажды мне пришлось наблюдать ещё один случай, доказавший поразительное лукавство Лобо. Волки его стаи нередко, ради одного только развлечения, распугивали и убивали овец, которых почти никогда не пожирали. Овец обыкновенно пасут стадами в несколько тысяч голов. На ночь их загоняют в защищённое место, где-нибудь по соседству, и с каждой стороны стада ночует пастух. Овцы настолько бестолковы, что малейший пустяк заставляет их бросаться куда попало, но всё же у них существует твёрдо укоренившаяся привычка всегда следовать за своим вожаком. Пастухи используют эту привычку и пускают в овечье стадо несколько козлов. Овцы признают превосходство ума своих бородатых родичей и, если ночью возникает тревога, собираются вокруг козлов.

Однажды ночью, в конце ноября, два пастуха были разбужены нападением волков. Всё стадо сбилось вокруг козлов, которые не отличались ни тупостью, ни трусливостью и храбро оставались на месте. Но — увы! — этим нападением руководил не простой волк. Старый Лобо, «волк-оборотень», знал не хуже пастухов, что моральную силу стада составляют именно козлы, и поэтому, быстро проскочив по

спинам тесно скучившихся овец, бросился на их вожakov и мгновенно покончил с ними. Злополучные овцы тотчас же разбежались во все стороны.

В течение многих недель после этого ко мне почти ежедневно обращался какой-нибудь встревоженный пастух:

— Не встречались ли вам где-нибудь заблудившиеся овцы с клеймом «ОТО»?

И почти всегда мне приходилось отвечать:

— Да, я наткнулся на пять или шесть овечьих трупов у Бриллиантового источника.

Или:

— Нет, я не видал, но Хуán Мейр два дня назад видел около двадцати только что зарезанных волками овец на Кедровом холме.

Наконец прибыли волчьи капканы, и я проработал с двумя помощниками целую неделю, чтобы установить их. Мы не жалели трудов и усилий, и я прибегал ко всем уловкам, которые, как мне казалось, могли обеспечить успех. На следующий день после того, как были поставлены капканы, я поехал осматривать их и скоро напал на след Лобо, который вёл от одного капкана к другому. По этим следам я прочёл всю историю его ночных походов.

Он рыскал в темноте и, хотя капканы были тщательно запряваны, сразу же обнаружил первый из них. Остановив стаю, он начал старательно разгребать землю вокруг, пока не отрыл капкан, а также цепь и бревно. Затем он отправился дальше, проделывая то же самое с другими капканами. Вскоре я заметил, что он останавливался и сворачивал в сторону, как только подмечал на дороге что-нибудь подозрительное.

Тут мне пришёл в голову новый план: я поставил капканы в виде буквы «Н», то есть расположил их в ряд с каждой стороны тропы, а один капкан поместил посередине, чтобы он служил перекладиной для этой буквы. Но мне пришлось долго ждать, чтобы убедиться в новой неудаче.

Лобо отправился по тропе и находился уже между двумя параллельными рядами капканов, когда заметил единственный капкан, спрятанный на самой тропе. Он остановился вовремя.

Как и почему он догадался, в чём дело, я не знаю. Во всяком случае, Лобо не свернул ни вправо, ни влево, а медленно и осторожно попятился, стараясь ставить каждую лапу на свой прежний след, пока не выбрался из опасного места. Затем, обойдя капканы с другой стороны, он стал скрести задними ногами камни и комья земли, пока не захлопнул все капканы.

То же самое он проделывал и во многих других случаях, и как ни разнообразил я свои способы, он всегда уходил невредимым. Вероятно, он и до сих пор продолжал бы свои опустошения, если бы не злополучная привязанность, которая привела его к гибели и прибавила его имя к длинному списку героев, которые в одиночку были непобедимы и погибли лишь из-за неосторожности товарища, которому доверяли.

III

По некоторым признакам я заметил, что в стае Лобо происходит что-то странное. Например, временами следы показывали, что впереди старого вожака бежал другой небольшой волк. Для меня это было непонятно. Но как-то раз один из ковбоев сказал мне:

— Я видел их сегодня. Бежит впереди и своёвольничает Бланка.

Тут мне стало всё ясно, и я добавил:

— Значит, Бланка — действительно волчица, потому что с волком Лобо немедленно разделался бы за такую дерзость.

Это навело меня на новую мысль. Я зарезал тёлку и поставил около её трупа два хорошо заметных капкана. Затем, отрубив голову, которая считается

никуда не годной частью, недостойной внимания волков, я положил её немного поодаль, а вокруг неё поставил, хорошо замаскировав, шесть мощных стальных капканов, выветренных так, что не оставалось никакого запаха. Во время этой работы мои руки, обувь и все инструменты были вымазаны свежей кровью. Я обрызгал кровью также и землю кругом, точно эта кровь вытекала из головы. Когда капканы были закопаны, я прикоснулся к песку над капканами шкурой койота, а его лапой наделал множество следов вокруг. Голову я положил так, что между нею и кустарником был лишь узкий проход. В этом проходе я поставил свои лучшие капканы, прикрепив их к самой голове.

Волки имеют привычку подходить к каждому трупу, который они почуяли, хотя бы у них и не было намерения съесть его; и я надеялся, что благодаря этой привычке стая Куррумпо попадётся в мою ловушку. Я нисколько не сомневался, что Лобо откроет мою проделку с мясом и не допустит к нему стаю. Но я всё же надеялся на голову, которая имела такой вид, точно она была отброшена в сторону как вещь совершенно бесполезная.

На следующее утро я прежде всего отправился осматривать капканы. И вот — о радость! — там были ясно видны следы волков, и место, где лежала голова с капканами, было пусто. Поспешно осмотрев следы, мы убедились, что Лобо действительно не пустил свою стаю к мясу, но один небольшой волк, очевидно, подошёл обнюхать голову, брошенную в стороне, и сразу попал в капкан.

Мы отправились по следу и через милю увидели, что этим злополучным волком была Бланка. Завидев нас, она бросилась бежать, и хотя ей страшно мешала тяжёлая голова тёлки, она двигалась быстрее моего спутника, который шёл пешком. Но мы всё же настигли её у скал, так как рога тёлки прочно зацепились за камни.

Никогда я ещё не видал такой красивой волчицы,

как Бланка. Её ровная, густая шерсть была почти совершенно белого цвета.

Она повернулась, готовая вступить с нами в бой, и завывала. Это был протяжный, призывный вой. И вот с далёкого холма донёсся ответный вой старого Лобо. Но это был её последний зов, потому что мы уже подбежали к волчице и ей были нужны все её силы, чтобы защищаться.

Затем последовала неизбежная трагедия, воспоминание о которой не раз заставляло меня впоследствии содрогаться. Мы оба набросили по лассо на шею злополучной волчицы и погнали лошадей в противоположные стороны. У неё хлынула кровь из пасти, глаза остановились, лапы вытянулись и бесильно повисли. Мы отправились домой, увозя мёртвую волчицу и радуясь, что нам удалось наконец нанести первый смертельный удар стае Лобо.

По временам мы слышали вой Лобо. Он бродил по холмам, должно быть, разыскивал Бланку. Он не хотел её покинуть, но, понимая, что уже не в состоянии её спасти, не мог преодолеть свой страх перед огнестрельным оружием.

Весь этот день мы слышали его жалобный вой, и я сказал одному из ковбоев:

— Теперь я уже не сомневаюсь, что Бланка действительно была его подругой.

К вечеру Лобо, очевидно, направился к нашему ущелью, так как его голос звучал всё ближе и ближе. В этом голосе слышалось горе. Он выл не яростно, как прежде, а протяжно и жалобно. Он как будто звал свою подругу: «Бланка, Бланка!» В конце концов он, должно быть, напал на наш след и, когда достиг того места, где она была убита, издал душевраздирающий жалобный вой. Раньше я никогда не думал, что мне так тяжело будет слушать его. Даже суровые ковбои удивлялись этому горестному вою.

Лобо прекрасно понял, что произошло, так как земля там была забрызгана кровью Бланки. По следам лошадей он дошёл до самой фермы. Быть может,

он надеялся найти там Бланку или хотел отомстить, — я не знаю. Но во всяком случае мщение ему удалось: он настиг за воротами нашу сторожевую собаку и разорвал её на клочки в пятидесяти шагах от фермы. Очевидно, он приходил на этот раз один, потому что утром я нашёл только его след. Судя по этому следу, он метался вокруг фермы, совсем забыв про осторожность. Я рассчитывал на это и потому наставил по всему пастбищу множество добавочных капканов. Впоследствии я убедился, что Лобо попался в один из них, но он был так силен, что ему удалось вырваться из капкана.

Я предполагал, что Лобо будет рыскать по соседству, пока не найдёт труп Бланки; поэтому я употребил все старания, чтобы захватить его, прежде чем он успокоится. Тут я понял, что сделал большую ошибку, умертвив Бланку, — воспользуйся я ею как живой приманкой, я захватил бы его в первую же ночь. Я собрал все капканы, какие только мог. У меня набралось сто тридцать крепких стальных волчьих капканов, и я расставил их по четыре на каждой тропе, ведущей к ущелью. Каждый капкан был отдельно прикреплён к бревну, и каждое бревно отдельно засыпано землёй. Зарывая их, я аккуратно снимал дёрн и клал на брезент так, чтобы потом, когда дёрн был положен на место и всё было закончено, не оставалось никаких признаков человеческой деятельности.

Когда капканы были спрятаны, я проволока между ними труп бедной Бланки. Потом я отрезал одну из её лап и проложил линию следов поверх каждого капкана. Я принял все предосторожности, прибегнул ко всем известным мне уловкам и наконец поздно вечером удалился. Ночью мне показалось, что я услышал голос Лобо, но я не был в этом уверен. На следующий день я поехал верхом, но темнота наступила раньше, чем я успел объехать северное ущелье, и я вернулся ни с чем. За ужином один из ковбоев сказал:

— Сегодня утром скот в северном ущелье был чем-то встревожен. Уж не попался ли кто-нибудь в капкан?

Только на следующий день под вечер я наконец добрался до указанного места и, подъехав ближе, увидел, что какая-то большая серая тень поднялась с земли, напрасно пытаюсь убежать. Передо мною стоял Лобо, гроза Куррумпо. Капканы крепко держали его. Бедный старый герой! Он не переставал искать свою любимую и, когда нашёл след, проложенный её телом, безрассудно бросился по этому следу и попал в ловушку. Четыре железных тиска держали четыре его лапы. Он лежал совершенно беспомощный, а множество следов вокруг указывали, что тут собирался скот, чтобы поглотиться над павшим деспотом, не решаясь, однако, приблизиться к нему.

Два дня и две ночи он пролежал там и теперь совсем обессилел. Тем не менее, когда я приблизился к нему, он поднялся, ошетинился и в последний раз потряс стены ущелья,

издав громкий, протяжный вой, призывавший на помощь стаю. Но никто не откликнулся, не ответил ему, и, покинутый в час бедствия, он отчаянно рванулся, пытаясь броситься на меня. Всё было напрасно! Каждый капкан весил более трёхсот фунтов, и стальные челюсти крепко держали все четыре лапы волка. Как скрежетали его огромные клыки, когда он хватал ими железные цепи! А когда я попробовал прикоснуться к нему стволом ружья, он оставил на нём следы зубов, сохранившиеся и до сих пор. Его глаза потемнели от ненависти и злобы, и его челюсти глухо щёлкали, когда он старался схватить зубами меня и мою дрожавшую от страха лошадь. Но он ослабел от голода и потери крови и скоро упал в изнеможении на землю.

Что-то вроде сожаления шевельнулось в моей душе, когда я собрался поступить с ним так, как он поступал с другими.

— Великий старый хищник, герой бесчисленного множества незаконных набегов, — сказал я, обращаясь к нему, — через несколько минут ты превратишься в груды падали. Но иначе я не могу поступить.

Я взмахнул лассо, и оно просвистело над его головой. Но не тут-то было! Он далеко ещё не покорился, и не успела гибкая петля упасть ему на шею, как он схватил её зубами и сразу перекусил крепкие, толстые пряди и бросил их к своим ногам.

Конечно, у меня было ружьё, но мне не хотелось портить его великолепную шкуру. Поэтому я поскакал назад в лагерь и вернулся с ковбоем и новым лассо. Мы бросили своей жертве кусок дерева, который он схватил зубами, и прежде чем Лобо успел выпустить его, наши лассо просвистели в воздухе и обвились вокруг его шеи. Но когда свирепые глаза Лобо начали тускнеть, я крикнул своему помощнику:

— погоди, не будем убивать его! Возьмём его живьём и отвезём в лагерь.

Он настолько обессилел, что нам не трудно было просунуть ему в пасть толстую палку позади клыков и обмотать челюсти толстой верёвкой, привязанной к палке. Палка удерживала верёвку, а верёвка — палку, и, таким образом, он был совершенно безопасен для нас. Как только он почувствовал, что его челюсти крепко связаны, он уже больше не сопротивлялся и не издал ни одного звука, а лишь спокойно смотрел на нас, точно хотел сказать нам:

«Хорошо. Вы наконец одолели меня, так делайте со мной теперь что хотите!..»

И с этой минуты он уже больше не обращал на нас никакого внимания.

Мы крепко связали ему ноги, но он не издал при этом ни одного стога, ни разу не завыл и не повернул головы. Затем мы с большим трудом взвалили его на мою лошадь. Он дышал ровно и спокойно, как во сне, и глаза его снова стали ясными и блестящими. Но на нас они не смотрели. Взор его был устремлён вдаль, на холмы, по которым теперь разбрелась его знаменитая стая.

Мы не торопились и благополучно достигли фермы. Там, надев на Лобо ошейник с крепкой цепью, мы привязали его на нашем пастбище и освободили от верёвок.

Тут я в первый раз как следует рассмотрел его и убедился, как мало можно доверять сплетням о ещё живых героях или тиранах. На шее Лобо не оказалось золотого ошейника, а на плечах — перевёрнутого креста, свидетельствовавшего о том, что он заключил союз с дьяволом. Зато я увидел у него на боку большой, широкий рубец, след, который Юнона — вожак своры Теннерея — оставила за миг перед тем, как он бросил её бездыханной на песок ущелья.

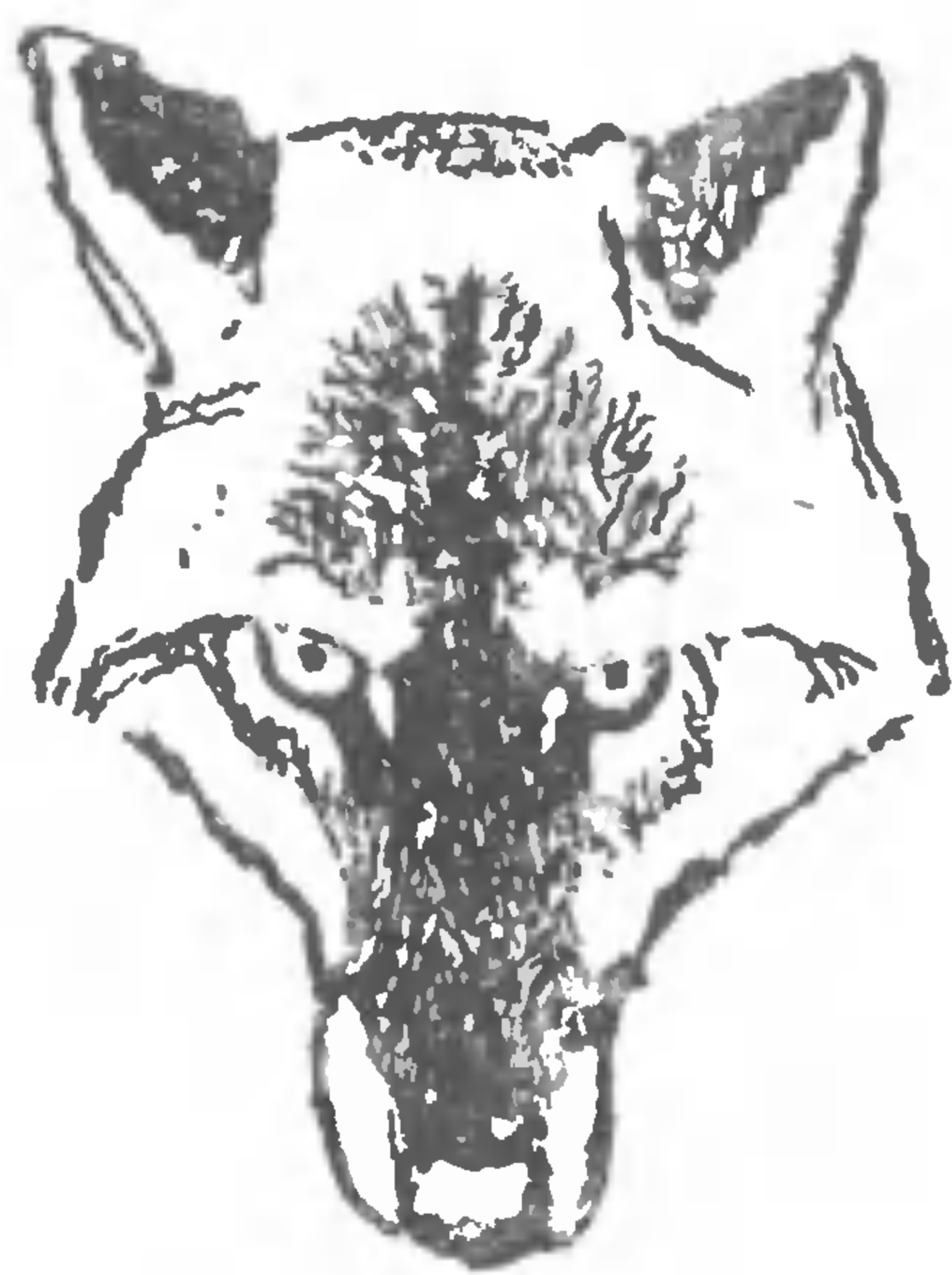
Я поставил перед волком воду и мясо, но он и не взглянул на них. Он лежал спокойно на животе, устремив пристальный взгляд жёлтых глаз мимо меня, ко входу в ущелье, и дальше, в прерию, где он

царствовал. Он даже не шевельнулся, когда я дотронулся до него. И когда солнце зашло, он всё ещё продолжал пристально смотреть туда же, в прерию.

Я ждал, что ночью он станет призывать свою стаю, и даже приготовился к этой встрече. Но он уже однажды призывал её в минуту отчаяния, и тогда никто не явился. Больше он не захотел звать.

Говорят, что лев, лишившийся своей силы, орёл, потерявший свободу, и голубь, разлучённый с подругой, умирают от разбитого сердца. И разве можно было думать, что сердце этого свирепого хищника вынесет тройное испытание? Он потерял и силу, и свободу, и подругу. Когда настало утро, он всё ещё лежал спокойно, точно отдыхал. Но он уже был мёртв... Я снял цепь с его шеи. Один из ковбоев помог мне оттащить труп под навес, где лежали останки Бланки. Мы положили его рядом с ней, и ковбой проговорил:

— Ты всё искал её? Ну, так теперь вы снова вместе!

СОДЕРЖАНИЕ

АРНО 3
УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ 24
ЧИНК 41
МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ 51
ЛОБО 75

Для начальной школы

Эрнест Сетон-Томпсон
ЧИНК И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Ответственный редактор *С. К. Беркман*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *Г. Г. Стан*
Корректор *Н. Е. Кошелева*

Сдано в набор 25/VI 1976 г. Подписано к печати 6/XII 1976 г. Формат 60×90/16. Бум. офс. № 1. Усл. печ. л. 6. Уч. - изд. л. 4,63. Тираж 300 000 экз. Заказ № 266.
Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Сетон-Томпсон Э.

С33 Чинк и другие рассказы. Изд. 2-е. Пер. с англ. Ник. Чуковского. Рис. Г. Никольского. М., «Дет. лит.», 1977.

95 с. с ил. (Школьная б-ка).

В сборник произведений известного канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона вошли пять его рассказов о животных: «Арно», «Уличный певец», «Чинк», «Медвежонок Джонни» и «Лобо».

С 70802—055
М101(03)77 367—77

И (Канад)